

ВИКТОРИЯ БАЛАШОВА

НЕ ОДИНОКИЕ
СТО ЛЕТ

Виктория Балашова

Не одинокие сто лет

<https://litres.ru/73915886>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Самое страшное – позади», – она была в этом уверена, когда встречала Пашку на вокзале. Но судьба готовила ей новые испытания: они только начинались.

Это история о любви, которая сильнее времени. О предательствах, которые ранят глубже, чем кажется. О семье, где за фасадом благополучия скрываются тайны, способные разрушить даже самые крепкие узы. Когда прошлое напоминает о себе старыми письмами, а будущее ставит перед невозможным выбором. Ей придётся заново научиться доверять, прощать и – самое трудное – любить.

История Нины проведёт через десятилетия, доказывая: ни одна душа не бывает одинока, если в её истории есть место настоящей любви.

Семейная сага, которая порой заставляет смеяться сквозь слёзы и верить в чудо даже тогда, когда кажется, что время упущено.

Содержание

Пролог	5
Часть 1. Нина	8
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4. Месяц спустя	29
Глава 5	38
Глава 6	43
Глава 7	48
Глава 8	53
Глава 9	62
Глава 10	71
Глава 11	79
Глава 12	85
Глава 13	93
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Виктория Балашова

Не одинокие сто лет

Все персонажи вымышлены, любое совпадение имен и событий с реальными являются случайностью.

Пролог

– Нинка-а-а! Роднуля-я-я!

Я слышу его голос, продирающийся сквозь гул толпы.

Кручу головой и не вижу.

Узнаю ли? Через четыре-то года?

Букетик вот-вот выпадет из моей ладошки, вспотевшей от волнения.

Я подпрыгиваю на одном месте и пытаюсь разглядеть хоть что-то.

Море, море людское... Кто плачет, кто смеется, но счастливы от того, что они вернулись. Солдаты, выпрыгивающие из вагонов...

– Нинка-а-а! Роднуля-я-я!

Где же ты, Пашка?! Господи, я в тебя не верила. Но сейчас, именно сейчас поверю, если его увижу. Прости, господи, надо было поверить после капитуляции Германии. Но я прошу тебя, сейчас дай мне его увидеть. Пашку, моего Пашку, который прошел все четыре года, до самого Берлина – проклятого места, с которого все началось...

Он написал, что расписался кровью на их Рейхстаге. Так они все кровью расписывались везде, где шли – отступая, а потом отбирая клочок земли за клочком. И на каждом клочке расписывались кровью...

Люди, сплошные люди. Я держу букетик, словно только он

меня и держит, как спасательный круг, чтобы я не потонула в этом людском океане. В нем намешано все: скорбь, радость, слезы, смех...

– Нинка-а-а! Роднуля-я-я!

Пашка, ну где же ты?! Я ведь так терпеливо тебя ждала! И когда не было писем с фронта, и когда я читала пляшущие строчки на обожженных листках-треугольничках. И когда вставала с рассветом, идти на завод. И когда падала без сил на кровать – не раздевшись, не съев свой паек, потому что уже не могла ничего... Ничего, кроме того, чтобы тебя ждать. Даже во сне.

И когда я возвращалась однажды домой, а в дом попала бомба. Родители погибли. Не мучились, нет, – мучилась потом я, но ждала, ждала, ждала...

– Нинка-а-а! Роднуля-я-я!

Я ждала тебя, вздрагивая от взрывов. Ждала, заваривая в кружке щепотку чая – а сервиз-то наш семейный погиб вместе с папой и мамой... Ждала, пересидевшая в метро налет. И дотрагиваясь до скульптуры собаки, я бормотала: «Пашка, вернись домой!». Собачий нос поблескивал мне в ответ, словно подтверждал: «Он вернется».

– Нинка-а-а! Роднуля-я-я!

Меня толкают, и лишь немногие говорят:

– Простите, девушка!

Большинство, обнимая родных, идут вперед победной волной.

Где ты, Пашка?!

Я для тебя смастерила это платье – белое в бирюзовый горох.

На ногах – белые носочки и старые, довоенные туфли, непонятно как сохранившиеся в шкафу у Верки. Они блестят черным лаком – я ж их так надраивала, еще бы!

А на голове – завиточки, которые, Пашка, мне дались непросто. Чуть полголовы не сожгла, завивая.

— Нинка-а-а! Роднуля-я-я!

Я от этого голоса готова зарыдать. Я почти уже выпускаю букетик из ладони.

Несколько дней уж бегаю на вокзал встречать поезда. И только сегодня услышала его голос. Как с небес. А самого-то не вижу, господи!

Именно в этот момент меня подхватывают сильные мужские руки. Меня сажают, как ребенка, на плечо и несут над толпой.

И я машу всем людям мира букетиком – ура, товарищи! Я дождалась! Вот он – мой Пашка!

Пахнет незнакомо – совершенно посторонним мужчиной. Табаком, потом...

Но я привыкну к нему снова. Разве может быть иначе?

Часть 1. Нина

Глава 1

Он так и несет меня до дома – на плече, обнимая за ноги.

– Пашка, поставь меня на землю! Тебе же тяжело!

– Своя ноша не тянет, Нинка-а-а!

– Встретила своего жениха? – мои соседи улыбаются. –

Стол накрыт. Проходи, герой! Да поставь ты ее! Куда ж теперь твоя Нинка денется!

Я живу в бараке. Деревянном, двухэтажном доме, в котором поселилась Верка. И в который пришлось переехать мне после гибели родителей. Мы с ней и ее трехлетней дочкой живем в одной комнате. Да, в тесноте, но не в обиде.

Но, узнав, что Пашка возвращается, баба Шура, которая у нас за главную, выдает мне ключи от чердака.

– Пока там поживите. Все ж отдельно, – ворчит она. – Не распишаны еще, так почитай главное уже сделано. Жених живым вернулся.

У самой-то никого не осталось. Одна теперь одинешенька.

Я на чердаке прибралась. Ничего там из мебели нету, кроме колченого стула – но мне дядя Федя подправил. Фанерка вместо стола. И матрас на полу.

На фанерку для уюта поставила банку с цветочками.

– Вот так пока, Паш.

– Хоромы!

Он бросает вещмешок на пол и прижимает меня к себе.

– Нинка-а-а! Роднуля-я-я! – он зарывается лицом в мои волосы, и тут я окончательно понимаю: вернулся.

Пока не совсем мой, не совсем родной. Непроизвольно хочется отодвинуться, посмотреть ему в глаза, но сильные руки – таких не было у него до войны – не отпускают.

– Давайте сюда! – раздается крик снизу. – Накрыли уж! Картошка стынет!

– Пошли, Паш, зовут, – я смотрю на него снизу вверх. Он уходил мальчишкой, а вернулся незнакомым мужиком.

Мне – двадцать один, а было всего семнадцать. Ему – двадцать четыре, а было всего двадцать. Но такое ощущение, что прошло не четыре года, а все сорок.

Пашка нехотя отпускает меня.

Мы спускаемся во двор, где за столом – соседи из нашего дома и с других домов в округе. Есть и вернувшиеся солдаты. Они жмут Пашке руку и наливают самогонки:

– За победу!

Верка привычно улыбается. Ее жених, мой старший брат Костя, пропал без вести в сорок третьем. Он ушел на фронт в первые же дни войны, и они не успели расписаться. А Верка-то уже была беременна Олей. Костя успел посмотреть на малышку – Вера ему фотографию на фронт отправила. А потом он и пропал...

Но я знаю, что Верка его все равно ждет.

А вдруг? Чудеса случаются. Я тоже жду брата. Вон Пашку дождалась, может и Костюждемся.

– Ну, что тут? Как тут? Где герой? – это во двор заходит Леонид... Леонид Михайлович, по-хорошему.

Ему почти сорок. И он ухаживает за нашей Веркой. Просит звать себя просто Леонидом. Хотя какой же из него Леонид? Весь Леонид Михайлович, как он есть – чуть полноватый, с лысиной и вечным портфелем подмышкой.

– Я не с пустыми руками пришел. Даже сомневайтесь.

Мы не сомневаемся – Леонид работает хозяйственником. Так он нам сразу и сказал. Заведует ресторанами. Сначала заведовал ими на вокзалах – которые еще в сорок втором открыли. Туда прям без карточек можно было заходить и есть. Только вот цены там заоблачные. Особо не походишь.

С прошлого года Леонид заведует всякими «Асториями» и «Аврорами». Тоже без карточек и тоже дороговастенько.

Они с Веркой и познакомились по этой линии. Верка успела до войны закончить торговый техникум. Вот ее и взяли в ресторан на Белорусском. Леонид сразу за ней начал ухаживать. Но Верка пока ждет Костю. А Леонид продолжает ее обхаживать.

Вот он Верке носит всякой еды – она хоть в ресторане работает, но оттуда ничего домой не берет. Говорит, с этим строго. Могут и посадить. А Леониду, видимо, можно – он начальник.

Ну и нам перепадает с барского плеча...

– А откуда такое богатство? – вдруг спрашивает Пашка, увидев консервы, буханки хлеба, колбасу, бутылки с вином.

– О, не беспокойтесь, герой вы наш! – масляно улыбается Леонид. – Я на спецпайке. Мне одному много. Вот скапливается. Я Верочке приношу. Подкормить, так сказать.

– Вы не служили? – продолжает свой допрос Пашка.

Верка стреляет глазами, показывая мне, что разговор хорошо бы повернуть в другую сторону.

– Паш, давай потом, – бормочу я.

Когда мы встречались, он был мягким и податливым. Как тесто. А может мне так только казалось?

– Чего потом, роднунь. С кем за стол садишься, надо наперед знать.

– Ничего страшного, Ниночка, – встревает Леонид. – Я отвечу вашему жениху. Видите ли, герой, люди нужны и в тылу. В том числе для обеспечения фронта всем необходимым. Включая, Павел, еду. Вас же там кормили? Кормили. И тут людей надо обеспечивать. Такие дела.

– Нас не очень-то кормили. Не вот этими вот деликатесами, – Пашка обводит стол рукой. – Ну да ладно. Давайте вашу рюмку. Налью самогоночки. Винцо это для наших любимых женщин. А мужику водки да самогонки в самый раз.

Ох, помню время, когда и Пашка вином не брезговал. Отца, который самогонку гнал и пил, конечно тоже, порицал. Ругал на чем свет стоит.

– Я здоровьем слаб самогонку пить. Позвольте все ж вина. Тем более, я тут шампанского принес по такому случаю.

Вечереет. Дядя Федя принес гармонь и поет так задушевно, аж плакать хочется. Все ему подпевают. И не про войну песни, а горько.

– Ну что, герои, расходиться надо, – Леонид встает, как только возникает пауза между песнями. – Завтра рабочий день никто не отменял. Кстати, какие планы, Павел? Что делать намерен?

Ох, Пашке явно не до серьезных разговоров. Да и куда ему строить планы! Только ж вернулся. Пусть отдыхает пока. А там и подумаем.

– Найду чем заняться, – огрызается Пашка. – Не беспокойтесь за меня.

– Если что, обращайся. Помогу чем смогу.

На том Леонид и прощается.

– Без него точно легче дышится, – заявляет баба Шура. – Гнилой он нашквозь!

– Не ругайтесь, баб Шур! – устало протестует Верка. – Он хороший человек.

– Ты девка молодая. Хоть и с малой. Найдешь себе орла. За консерву не продавайся.

– Да не продаюсь я! – Верка утирает набежавшие слезы.

Я прижимаю ее к себе:

– Пойдем, Верунь, не плачь. Доведу тебя до комнаты.

Я тяну время – мы медленно идем до Веркиной комнатки, где уже спит Олька. Потом я также медленно возвращаюсь во двор.

Почти все ушли.

Баба Шура убирает со стола.

Пашка дремлет, положив голову на сложенные руки.

– Забирай героя.

Баба Шура помогает поднять Пашку. Я обхватываю его за пояс. А он опирается о мое плечо.

– Дойдете?

– Дойдем, баб Шур. Спасибо.

– Не за шта...

Поднимаемся на чердак по шатким, скрипучим ступенькам.

Я осторожно укладываю Пашку на матрас и начинаю стягивать с него сапоги.

– Пойди сюда, брось, оставь, – бормочет он. – Поди, поцелую хоть.

Я приближаю лицо к его губам. Но Пашка уже спит. Я целую его в лоб. По-матерински. Раздеваюсь и натягиваю длинную рубаху.

Кое-как снимаю с Пашки ремень. Аккуратно ставлю сапоги возле двери. Одежду кладу на колченогий стул, где и моя.

Осторожно ложусь рядом.

Хорошо, что сегодня ничего не случилось. Мы ж ничего такого до войны не делали. Только целовались. Надо попри-

выкнуть к нему. Хоть денечек.

Во сне Пашка обнимает меня и прижимает к себе.

Иногда я просыпаюсь от его стона или крика. Глажу по руке:

– Тихо-тихо, – как глажу Ольку, если она ревет.

Он тоже успокаивается.

Ничего, привыкнет Пашка к жизни мирной. Все мы привыкнем.

Утром я встаю потихонечку.

– Паш, я на работу. А ты спи, отдыхай. Там баба Шура тебе на завтрак чего-нибудь сварганит.

– Останься, Нинка.

Он тянет меня обратно на матрас.

Я смеюсь. Летнее солнце светит в оконце чердака.

– Пусти, Пашка! Не балуй!

Я быстро целую его в щеку и убегаяю.

— Нинка-а-а! Роднуля-я-я! – несется мне вслед.

И я всем готова рассказать, что Пашка-то вернулся!

Несмотря на то, что мне страшно. И сердце заходится.

И стучит, стучит, стучит...

Глава 2

Вечером иду домой, а вокруг – праздничные плакаты. Настроение, несмотря на усталость, – радостное. Ем мороженое, держа его за круглые вафельки. Оно все равно тает, я слизываю и смеюсь.

И тут в голову приходит мысль! Денег немного есть. Ничего, потом перебьемся как-нибудь...

Во дворе дома Пашка режется в домино с дядь Федей. На лицо не сильно веселый. Скорее даже понурый.

– А вот и наша Нинка, – замечает меня баба Шура, чистящая картошку. – Щас картошечки шварганим. Твой-то весь день помогал. Школько всякого починил! Федька-то наш уж не молодой. Одному было тяжело, вот и помощь подошпела. И дров наколол. Сегодня лето, а завтра холода...

– Спасибо, баб Шур, а мы сегодня вдвоем. Пошли, Паш.

Пашка согласно кивает, шарахает костяшкой о стол:

– Рыба, дядь Федя. И баста. Пошел я.

– Давай, иди, дело молодое.

– Если оголодаете, спускайтесь! – несется нам вслед.

На чердаке Пашка пытается лезть с поцелуями.

– Постой! Ну погоди! – я отбиваюсь полушутливо, полусерьезно. – Я принесла кой-чего. Отметить твое возвращение.

Достаю из авоськи тортик и бутылку шампанского. Стоят кучу денег, зато без карточек.

– Это что еще? – Пашка хмурится. – Опять ваш этот принес? Который по хозяйственной части? Ты у него прекращай брать. И Верке скажи.

– Нет, Паш, я ж сама купила. На свои деньги. В кондитерском и в винном. В Москве открыли в прошлом году несколько магазинов. Дорого, но я подумала... – меня начинают душить слезы. Может я и вправду не то что-то сделала? – ...подумала, что потом перебьемся как-нибудь...

Не знаю я, как надо мужчину в доме встречать. Раньше-то просто было. Достала красивые чашки с блюдцами, чаю налила, мамино варенье в розеточки, булки маковые...

А сейчас как? Ни чашек с блюдцами, ни чаю, ни мамы, ни варенья, ни булок.

Ну я и разревелась.

– Это самое... Нин... Нинка... ты чего?

Он гладит меня по волосам.

– Прости меня дурака. Я подумал, опять ваш Леонид Михайлович принес. Скользкий он. Неприятный. Не реви, пожалуйста.

Я сажусь на единственный стул. Вдруг понимаю, как устала. Не, раньше хуже было. Когда в цеху работала. И расслабиться нельзя – надо все правильно одно к другому приделывать. Иначе нашим на фронте несдобровать.

– Товарищи женщины, понимаю, что тяжело, – говорил нам начальник. – Но там еще тяжелее. И от ваших рук, от ваших глаз зависит ой как многое! Слово «брак» сейчас при-

равнивается к военному преступлению.

Но потом во мне обнаружили способности к черчению. Таких мало. И меня перевели чертить...

– Прости, Нин, а? – Пашка присаживается передо мной на корточки. – Зато я нам табурет смастерил. И твой тортик есть сподручнее.

Я улыбаюсь и смахиваю слезы.

– Сейчас нам кружки поставлю, бутылку открою. Знаешь, как это – по-гусарски?

– Нет, – мотаю головой. – А как?

– Продемонстрирую, – гордо отвечает Пашка и начинает открывать.

Раздается громкий хлопок. Пробка взлетает к потолку. Пашка льет пену в кружку.

– Вот это да! – я хлопаю в ладоши.

Мы чокаемся кружками, и я нарезаю тортик. На крохотные четыре кусочка.

– Вот думаю, что дальше делать. На работу надо устраиваться, – говорит Пашка.

– Ты, Паш, отдыхай. Ты ж с фронта вернулся. Нароботалась еще.

– Не, Нинка, не могу. Сегодня весь извелся. Такими темпами я скоро весь дом перестрою, – смеется, но чувствую: грустно ему. – Завтра возьмусь за поиски. Сидеть у тебя на шее не годится.

– Хорошо, Паш, как скажешь. Ты со своими-то переписы-

ваешься?

– Да, мать пишет. В Ташкенте они вроде неплохо обосновались. Она в местной школе русскому учит. Отец инженером. Надо завтра сходить на нашу квартиру. Что там с ней. Мать просит глянуть, а то там все вещи побросали. Как в эвакуацию уезжали, так особо времени на сборы им не дали.

– Паш, нет ее. Как и нашей. Дом почти весь разрушен. Я ходила. У нас на заводе списки составляют, у кого утеряно жилье. Я стою на очереди.

– Вот найду работу и тоже встану.

Меня будто в сердце укололи. Мы же семья теперь? Или нет? Почему он отдельно встанет? Или так можно?

Сiju растерянная. Не пойму ничего, а спросить боязно.

– Нинка, а пошли гулять? – предлагает Пашка. – Завтра воскресенье. У тебя ведь выходной? Я и не подумал. Мои поиски работы тоже откладываются.

Он встает, одергивает китель, поправляет ремень.

– Ой, Паш, у тебя же ничего из одежды нет! Надо купить гражданское.

– Вот получу первую зарплату и купим. Пока так похожу. Военная форма надежная, крепкая.

Мы выходим на улицу и идем в парк. Я беру Пашку под руку.

Навстречу плывут океаном люди. Почти как на вокзале, только уже соединившись. Есть девушки, идущие под ручку друг с другом. Парни, им подмигивающие – грызут семеч-

ки, едят мороженое. Парочки, как мы с Пашкой. Им, кажется, никто не нужен. Они сами по себе. Но на Пашку многие оглядываются – он в форме. Все понимают – только вернутся.

Домой приходим поздно. Тихонько скрипим ступеньками к себе на чердак.

Боязно! Сегодня-то Пашка трезвый. Чего там – пара кружек шампанского.

– Допьем? – он разливает остатки. – За нас, Нинка!

Ой, я понимаю, к чему все идет. Верка рассказывала, что это совсем не страшно. Только в первый раз поболит и пройдет. С ее слов знаю и то больше она ничего не говорила.

Мы допиваем шампанское.

Пашка подходит совсем близко ко мне и начинает расстегивать платье, нащупывая пуговички на спине.

– Ох, их сколько там у тебя понашито, – улыбается и целует в губы.

Наверное, теперь все нам можно. Я же ждала его с фронта. Он – официально мой жених. Значит, можно.

О свадьбе не говорит. Но я ж понимаю – не до того ему сейчас. Вот обустроится, попривыкнет. И я попривыкну.

Мы ложимся на матрас. Голой мне совсем неудобно. Аж дрожь пробирает.

Пашка чего-то шепчет, но я не слышу. Лежу и думаю, насколько сильно поболит.

Получилось не сильно больно. Ощущения странные.

Пашка спит. Во сне, как и вчера, прижимает меня к себе. Стонет уже меньше.

Совсем он другой, мой Пашка. А чего я хочу? Наверное, и я другая. Хотя мне кажется, что такая же, как была. Поменьше смеюсь, так то вполне нормально. Смеяться отвыкли. А вот, впрочем, какую смешную байку дядя Федор расскажет, так мы хохочем. Даже баба Шура.

Я осторожненько встаю. Ох, застирать надо завтра простынку!

Натягиваю рубашку. Ложусь обратно.

А вот Пашке будто и не впервой. Ну это... того... с женщиной.

Может кто у него там был? На фронте? Разное рассказывают. Даже думать про это не хочется.

А еще детки в итоге получаются. Вон, как у Верки. И чего делать? Спросить неловко.

Пусть бы до свадьбы не получились. Деток-то я хочу, но вот надо бы до свадьбы продержаться. У мамы бы спросила. А нет ее больше. Бабушка далеко – в Смоленске. Не поедешь же в Смоленск ради такого вопроса. Засмеет. И не до того им там после оккупации.

Бабу Шуру что ль спросить? Она добрая. Но не помнит, небось, как это все происходит – у нее уже внуки были. Спрашивать бесполезно.

И снится мне много маленьких детишек. Утром думаю – сон-то в руку или как?

Глава 3

Воскресенье и не помню, как прошло. Я постоянно думала, правильно ли поступила. Эх, надо было оставаться жить у Верки, а Пашку селить на чердаке одного. Не так он понял меня. Наверняка кажусь ему легкомысленной! На таких не женятся герои войны.

И теперь-то это будет каждый день. Опять же не знаю, а как надо. Может, и не каждый...

– Ты чего сегодня такая задумчивая? – спрашивает Пашка, и я аж вздрагиваю.

Мы опять гуляем под ручку. Но не по парку, а по набережной. Виден красивый Кремль. Люди останавливаются и застывают, глядя на него.

– Ничего, Паш, особенного. Не обращай внимания.

Вот как ему скажешь: «А когда мы поженимся?». Вот именно – и я о том. Девушки сами предложение не делают.

Он останавливается, поднимает мой подбородок, и получается я смотрю прямо ему в глаза.

– Как же на тебя, Нинка, не обращать внимания? Ты ж такая красивая, – смеется, а потом целует в губы.

Ох, что хорошо всегда делал Пашка, так это целовался. Прекрасно помню!

Некоторые девчонки жаловались, что кто-то из ребят слюнявится сильно, кто-то зубами противно клацал. А мой Паш-

ка так целовался, что дух захватывало. И улетаю я куда-то в облака. Даже голова иногда кружилась.

В этом плане ничего не изменилось. А другого плана у нас раньше и не было.

Так воскресенье и закончилось – поцелуями, картошкой и постельными делами.

Выяснилось заодно, что на фронте Пашке платили, как и всем воевавшим. А почему вернулся гол как сокол? Так он все с вкладной книжки переводил родителям.

– Чего-то я, Нинка, не подумал откладывать. Матери отпращивал, – говорит он мне, стоя у окошка, куда дым от папиросы направляет.

– Ничего, Паш, справимся. Ты правильно делал.

Сама считаю про себя остатки зарплаты. А чего их считать? Ничего в общем-то не осталось после моего захода за тортиком и шампанским. Протянуть надо на баб Шуриной картошке, да карточки в начале августа уже можно отovarить.

– Но я, Нин, посылку из Германии отправил. Надо будет на почте справиться. С трофеями. Особо брать ничего не стал. Хотя некоторые товарищи столько домой тащили! Но наш особист говорил: «Не марайте рук об это немецкое барахло!» При мне одного за мародерство расстреляли. Так что я совершенно официально отрез ткани упаковал и на этом закончил.

– Отлично, Паш! Как раз уюту наведем. Шторки, скатер-

ку...

– Тебе и на платье, Нин, хватит. Там цвет красивый. Прямо тебе очень подойдет!

Чуток обидно, что Пашка не думал мне денег отправить. А с другой стороны, я чего – его просила? Нет. Зато вон на платье отрез придет. Какого цвета интересно? На свадебное подойдет?

В понедельник вечером я возвращаюсь с работы. Устаю сильнее, потому что с Пашкой засыпаю позже. Но это ж счастье – ничего, попривыкну.

Во дворе меня усаживают ужинать.

– Пашка, докладай! – велит дядя Федя, очищая картошку от «мундира». – К нему, Нинка, сегодня человек приходил.

– Чего за человек?

– Зовут, Нин, в милицию работать. Там кадров не хватает. Фронтвики в самый раз годятся, хоть и без нужного опыта.

– Милиция – это хорошо, – киваю, но вижу, что Пашка, скорее всего, со мной не согласен. Добавляю: – Наверное.

– А што? – встревает баба Шура. – У них паек больше. И жарплата. Война закончилась, и ловить шкуро будет некого. Все ворье переведется. И будет у тебя, Пашка, не работа, а рай!

– Эх, баб Шур, святой вы человек, – смеется Пашка. – Ворья всегда хватает. Но не мое это дело. Вот вообще не мое. На войне ведь как? Вот он немец. Враг. И разбираться, ви-

новат он или нет, не нужно. Все понятно. А здесь как? Вот они все, – Пашка обводит рукой двор, – наши люди. Поди разбери, кто закон преступил. Гляньте только на своего Леонида... Михайловича. По мне так жулик жуликом. С чего я это взял? Ни с чего. Морда мне его не нравится и все!

Мы смеемся. На самом деле, не знаю, кому б морда нашего хозяйственника понравилась бы.

– Так что, из меня нормальный милицейский не получится, – заключает Пашка.

– Не нравится, Паш, так не надо, – поддерживаю я его.

И тут, появляется Леонид. Накликали!

Верка как раз спускается во двор.

– Садись, Вер, – зовет баба Шура. – Только есть начали.

– А я вовремя! Несмотря на замечания нашего героя, я принес к столу. Негоже с пустыми руками приходиться, – Леонид выгружает из портфеля банки и ломоть черного хлеба. – И вот, Вер, для Оленьки леденец.

Пашка морщится, но молчит.

– Ну что, герой, с планами определился?

– Не дергайте его, Леонид, – влезаю я. – Человек только с фронта вернулся.

– Я не дергаю. Но совсем недавно новое постановление вышло. Герой, ты ведь учился до войны?

– Учился, – огрызается Пашка. – Третий курс закончил и даже успел сессию сдать.

– Во-о-т! – тянет Леонид. – Где учился?

– На оператора. Кино снимать хотел. Мечта такая глупая,

– Пашка вздыхает.

– Почему, Паш, глупая! У тебя здорово получалось! Я помню!

– Да, я даже на фронте снимал. Просили для истории. – улыбается Пашка.

– Идти на оператора доучиваться считаю нецелесообразным, – Леонид уверенными движениями открывает банки.

– Почему это? – мне отчаянно хочется защитить Пашкину мечту.

– Потому это, Нина. Кому особо сейчас нужны операторы? Я бы советовал нашему герою идти в пищевой. Я там и похлопотать могу. Четыре года, и профессия в кармане. Льготы по новому постановлению дают Павлу возможность поступить без экзаменов. Не исключено, сразу на второй курс. Я похлопочу.

– А чего это вы, Леонид Михайлович, так хлопочете? – Пашка щурит глаза и внимательно смотрит на Веркиного ухажера. – Что это я вам стал, как родной?

– Ты пойми, герой, вроде рук не хватает, а вроде и нормальной работы не найти. Пойдешь в пищевой, считай, обеспечен. Я в кино несилен. Там связей нет. Ты представь, пошел ты учиться. А жить на что? На Нинкины? Со всем, Ниночка, уважением, но получаешь ты копейки.

– Я и не спорю. Чертежники, хоть глаза и ломают, но получают мало, признаю. Тем более, я без высшего. С другой сто-

роны, кальку положила на чертеж и копирую. Особо и платить не за что.

Пашка обхватывает меня за плечи.

– Вы, Леонид Михайлович, особо в наши дела не лезьте. Не собираюсь я у Нинки на шее сидеть. Если пойду учиться, то и работать тоже. Неужели вы думаете, мы на ее зарплату жить будем? Я и до войны подрабатывал.

– Не кипятись, герой, – Леонид вздыхает. – Связи решают все. Я к чему? Пойдешь в пищевой, я устрою по этой же линии на работу. У нас тоже нехватка кадров, хоть мы и не милиция, упаси господи!

– А што, Ленька-то прав! – неожиданно встает на его сторону баба Шура. – Если пищевой, то всегда при еде! А ентим, оператором, при чем?

– При кино, баб Шур, – смеется Верка. – Я тоже думаю, что с фильмов особо не поешь. Если только киноплёнки.

После ужина мы с Пашкой поднимаемся на чердак.

Он садится у окошка и дымит туда, дымит. Одну за другой.

– Паш, да не бери ты в голову, – я глажу его по руке. – Ты хотел продолжать на оператора?

– Да не знаю я, чего хотел!

Я вздрагиваю.

– Прости, Нин. Не хотел кричать. Пойми, четыре года не до того было. Не до мыслей об учебе. Да и вернувшись, не планировал я учиться. Куда мне – двадцать пятый год скоро

пойдет. Какая тут учеба... Но Леонид ваш как спросил, так я и вспомнил. Мечту свою вспомнил. Как на студии практику проходили... Кино завораживает. Это какой-то другой мир.

– Паш, так иди туда. Справимся! А подрабатывать можно, не только учась в пищевом.

Пашка тушит папироску. Поднимает меня вместе с табуреткой и сажает совсем-совсем близко к себе.

Обнимает. Крепко.

– Нинка, ты золото. Знаешь об этом? Но я в данном случае согласен с хозяйственником. На то он и главный по хозяйству, что в этом соображает. Настрадалась ты. Нароботалась. Пора чуть груз с твоих плеч снять. Облегчить жизнь. В кино, действительно, особо не зарабатываешь. Не продвинешься по службе. Вон у нас был преподаватель по операторскому мастерству. Он что так оператор, что эдак. Сейчас жизнь мирная пойдет, надо думать наперед.

Ой, надо думать наперед, ой надо! Я все про свое – про свадьбу. А он про нее молчок. Не специально, я ж понимаю. Думает про более глобальное.

А я по-бабски, про местечковое, мелкое, которое надо изживать. Не, не в плане изживать регистрацию брака – тут и товарищ Сталин про крепкие семьи говорит. В плане неуместности к данному моменту...

– Опять ты, Нинка, задумалась, – прерывает мои мысли Пашка. – Ты за меня все равно ничего не решишь. Да и принял я уже решение. Пойду по совету Леонида Михайловича

в пищевой. Ну и спрошу, куда он там меня пристроит на работу.

На следующий день приходит Пашке посылка из Ташкента. Ох, мы праздник закатываем: сухофрукты, банки с вареньем, буханки душистого хлеба...

Потом уж мне Пашка и говорит:

– Мать пишет, что они там останутся. Им успел кто-то из соседей написать, что квартиры нашей в Москве уже нету. А отцу в Ташкенте от института выделили жилплощадь. И вроде народ там очень дружелюбный, хлебосольный. Может нам к ним поехать?

Я представила себе, как уезжаю из Москвы. Всю войну тут прожила. В эвакуацию не поехала даже после гибели родителей. Любимый город. Родной!

Но если Пашка скажет... Я ж поеду...

Слеза покатила по щеке. В Ташкент чего-то так не хочется!

Глава 4. Месяц спустя

Мне с Ташкентом повезло! Ташкенту со мной не очень.

Дело в том, что Пашка весь август занимался поступлением в пищевой институт. На технолога. Так как он хотел продолжать учиться не по той же специальности, что и до войны, а можно сказать, совсем не по той же, ему пришлось сдавать экзамены.

Более того, раз сразу на второй курс, изволь сдать общие предметы.

– Думают, я забыл все за время войны. Что справедливо! Я все забыл, Нинка! – повторял Пашка. – А специальные обязуюсь выучить и сдать в течение первого семестра.

Короче, он целыми днями сидел за учебниками в библиотеке. Мне удалось его уговорить пока не выходить на работу. Какая ж тут работа!

После завода я спешила домой. И какое там поужинать и спать! Мы сидели за конспектами, ели картошку, которую нам приносила наверх Верка, и готовились.

Я слушала Пашкины ответы, поправляла его – у меня-то тетрадь или книжка. А он наизусть шпарил.

– Готова уже за тебя идти сдавать, – шутила я.

Было одно неприятное, грустное. Это Верка. От брата было ни слуху, ни духу. На все ее запросы отвечали – пропал без вести. Мы боялись, что он в плену, но тогда бы его уже

освободили, весточка бы какая пришла...

Леонид продолжал ее обхаживать. Вот в ком ничего не менялось – так это в нем.

Пашка по его поводу подуспокоился. Дружеским их общение назвать нельзя, но хоть сильно не огрызался.

– Посылка пришла! – сообщает Пашка в конце августа.

Я уж и думать про нее забыла со всеми хлопотами из-за поступления в институт.

– Посылка? Из Ташкента опять?

– Не, Нинка, ты не помнишь? Трофейная.

Он достает ткань изумрудного цвета.

– Твои глаза!

– Зеленые у меня, Паш. Не придумывай.

– Так то и есть зеленое.

Ткань ложится волнами на нашу «кровать» – так ведь и спим на матрасе. Пашка сделал кровати «ножки», раздобыл доску, поэтому можно теперь кровать считать царской.

– Ой, тут на все хватит! – я хлопаю в ладоши.

А Пашка меня подхватывает и под радио, музыка из которого доносится снизу, крутит в вальсе.

– Сначала платье, – строго говорит он мне. – А то знаю тебя, все спустишь на свои занавесочки и скатерки.

И целует страстно в губы.

Теперь он тоже устает из-за экзаменов, и этим самым мы занимаемся реже. Но я все равно беспокоюсь. Пожалуй, это

меня только теперь и волнует. Впрочем, Пашкино поступление, конечно, тоже.

На следующий день мы с Веркой отправляемся в Дом культуры на показ модных платьев. Я приготовила блокнот и карандаш – мои навыки черчения должны пригодиться. Сделаю наброски того, что увижу, и потом попробую соорудить выкройку.

Перед нами, по деревянной сцене, проходят девушки в дух захватывающих нарядах. У некоторых на головах шляпки.

– Какая ж красота, Вер!

– Ага, откуда столько ткани понабрали! Нам бы хоть на пару платьев.

Я лихорадочно делаю наброски. Хорошо, они ходят довольно медленно. Кое-как успеваю их зарисовать.

Баба Шура вечером к нам присаживается поглядеть.

– Ну срамota! Ну срам! – ворчит она, а сама смотрит внимательно. Крутит и вертит мой блокнот. – А чтой-то, Нин? Вер, глянь, мне такое нацепить? Срамota-а-а!

Мы хохочем. На наш смех спускается Пашка.

– Чего гогочете, девчонки? Ольку разбудите.

– Бабе Шуре наряд подбираем. Со шляпкой, – отвечает Верка.

– А что? Баба Шура у нас еще вполне!

Баба Шура прячет ноги в калошах под табуретку. Вытирает руки о старый фартук, вечно надетый поверх потрепан-

ной, выцветшей юбки. Поправляет косынку на седых волосах.

– Брось ты, Пашка. Какое вполне. Да и куда мне носить эту крашоту. Во дворе перед Федькой хвоштом крутить што ли...

Уже на чердаке говорю Пашке:

– Надо бабу Шуру вывести в парк, на набережную. Что она, правда, сидит тут целыми днями. Обстирывает, готовит. Я бы ей и платье сшила. Есть там одно. Вполне подходящее. Но не из чего.

– Нинка, ты гений! Конечно, отведем бабу Шуру гулять. Вот же мы простофили! А на платье наскребем. Начну работать, и купим обязательно.

А у меня голова кругом. В самом прямом смысле.

Сажусь на стул. И тошнота подкатывает. Съела чего? Не пойму. Не дай бог, заболела. Хотя вроде с чего бы?

– Нин, ты плохо себя чувствуешь? Что-то побледнела.

– Не, все в порядке. Голова закружилась.

– Так вы, барышни, весь день не ели! Ты ж только позавтракала. Давай-ка, принесу чего снизу.

Ой, а я как представила еду, так меня чуть не вырвало. Вот те на! Не страдала никогда подобными выкрутасами. Уж как ни тяжело было с едой, что только ни ели, а желудок у меня крепкий. На зависть окружающим.

Утром опять затошнило. Кое-как позавтракала и помчалась на работу.

В трамвае давка, духота. Еле доехала.

Над чертежной доской склонюсь – перед глазами мушки.

Выпрямляюсь – голова кругом.

А вечером обратно ехать. Опять толчея, духота, хоть окна все открыты. Еще пихаются некоторые пребольно. Ох, народ!

За столом ем, с трудом проглатывая кусочки. Ну и где мой аппетит?

– Нин, наверное, к врачу тебе надо, – говорит Пашка уже на чердаке. – Ты опять бледная, ешь плохо. Вдруг у тебя температура или еще чего. Ты бы сходила. На заводе есть медкабинет?

– Есть, – киваю. – Не догадалась сходить. Сейчас у Верки таблетку попрошу. У нее вечно запас на целую дивизию.

Верка смотрит на меня подозрительно, внимательно. Прямо как на допросе. То есть, я не знаю, как на допросе, но, наверное, вот так – в глаза, да с прищуром.

– Тошнит, голова кружится, – перечисляет она мои симптомы. – Голова болит?

– Не, только кружится. Пару раз чуть в обморок не хлопнулась. Особенно худо в трамвае. Укачивает. И запахи такие... знаешь...

– Знаю! – обрывает меня Верка. – Беременная ты. Вот твой диагноз. Таблеток не нужно, а к врачу иди. Пашка жениться собирается?

– Не знаю... Наверное... Боже, Верка! Ну конечно он со-

бирается жениться! Просто не до того было!

Она меня приобнимает и гладит по спине.

– Ладно-ладно, сначала к врачу сбегай. Не пугай сразу жениха. Может, это и не беременность. Я ж не специалист. По себе сужу.

Возвращаюсь на чердак.

– Ну как? Дала чего-нибудь? – спрашивает Пашка, отрывая взгляд от учебника «Технология пищевого производства».

– Ага, – киваю и укладываюсь на кровать.

– Завтра бегом к врачу! – командует Пашка и возвращается к своей книжке.

– Замужем? – врачиха заполняет мою карту и отрывисто задает вопросы.

В этом кабинете страшнее, чем в плену у немцев. Вот уверена на все сто! Меня сюда наша медсестра отправила из заводского кабинета. Там-то даже уютно было. А здесь – мрак! И тетка злючая-презлючая!

– Нет, – бормочу.

Врачиха поднимает тяжелый взгляд.

– Не замужем, а с мужиком спишь, – это не вопрос, а утверждение.

– У меня жених с фронта вернулся, – оправдываюсь я.

Понимаю, что это не оправдание. Надо было у Верки оставаться до свадьбы. Ну вот не сообразила я. Баба Шура сразу:

«Вот вам чердак». Нет чтобы ответить: «Это для Пашки, а я проживу пока у Верки». Нет! Глупая я какая!

– У всех «женихи» с фронта вернулись, – и слово «женихи» произносит так... с подковыркой. Будто и не жених он. – А вам только в постель нырнуть. Сколько месячных нет?

– Месячных? – мои глаза расширяются от ужаса. – Месяц... Ну то есть, в июле были, а в августе пока не пришли.

– Не пришли у нее, – продолжает записывать. – Вы бы прежде чем в койку прыгать, разобрались бы, что бывает, как следствие, какие признаки, как дети получаются... На самом деле, все вы понимаете. Подстилки. Он что женатый?

– Кто женатый? – я хлюпаю носом. Только не реветь, только не реветь! – Пашка? Не, он же мой жених.

Все! Понеслось – слезы градом.

– А ты почему знаешь? В паспорт глядела?

– Не, не глядела. Я его ждала... – всхлипываю, – с фронта... Мы же вместе живем. Он в институт готовится... – беру протянутую мне салфетку, сморкаюсь. – Просто не до того ж было!

– Наивная ты дурочка, – врачиха смотрит чуть добрее. – Они на фронте себе женщин заводили. Думаешь, четыре года вот так в одиночку? Мужикам тяжело столько терпеть. И всегда найдется добренькая. Вижу, ты наивная совсем. Мама где?

– Погибла, – шепчу я еле слышно.

– Понятно. Короче, паспорт глянь. Может у него там уже

и штампик есть.

– Он бы сказал!

– А зачем? С тобой живет здесь. Потом к ней ездить начнет под разными предлогами... Ладно, раздевайся. Некогда с тобой душеспасительные беседы вести. Посмотрю.

Медленно снимаю платье, кладу аккуратно на кушетку. Туфли, носочки...

– Шевелись, как там тебя... Нина Владимировна. С же- нишкой-то небось быстрее раздевалась. Да-да, и трусы тоже. Смотреть я что буду, как думаешь?

Ой, ничего не думаю. Страшно, аж окоченела, хотя на дво- ре жара.

Мама перед войной говорила, что надо к специальному врачу женщинам ходить. Но так до того дело и не дошло. Оказывается, это хуже, чем к зубному...

– Залетела ты сразу. Уже почти месяц срок. Ребенка оставляешь?

– А как еще? – мне становится совсем жутко.

Врачиха усмехается.

– Могу дать направление на аборт. По медицинским по- казаниям, конечно. Криминалом не занимаюсь.

– Н-н-нет, что вы! – я лихорадочно натягиваю на себя пла- тье. – У меня же нет, этих самых... медицинских показаний?

– Нет. Здорова на зависть. Значит, фиксирую беремен- ность. Питаться хорошо надо. Молоко, витамины. Нагрузок на работе поменьше. Побольше гулять и дышать свежим воз-

духом. На вот рецепт. Попробуй достать. Тошнить меньше будет.

Я выхожу на улицу, как оплеванная. Права врачиха. Грубо, но все верно сказано.

Как теперь Пашке сказать? Он учиться собирается. Денег нет. Как на чердаке с малышом? Особенно зимой...

А вдруг он, и в самом деле, не хочет на мне жениться?

А вдруг у него, действительно, есть фронтовая жена? Пусть и без штампа в паспорте. А может и со штампом?

Я плюхаюсь на скамейку. Как быть?

Вот оно, какое счастье хрупкое! Как стекло – уронил его, и нет больше. Одни осколки.

Глава 5

Потихоньку прихожу в себя. Я начинаю понимать, что мы с Пашкой так и не начали узнавать друг друга. Ну а как?

До войны мы гуляли, бегали в кино. Болтали о счастливом будущем – в общемировом масштабе, не в личном. О личном как-то и не говорили.

Дети помладше из наших с Пашкой дворов дразнились: – Жених и невеста, тили-тили тесто!

Наши родители тоже, как те дети, были уверены, что мы поженимся. Когда-нибудь, в том самом счастливом будущем.

А мы и не торопились. А куда торопиться-то? Думали, вся жизнь впереди.

И вот – война. Есть ли жизнь впереди?

Пашка мою фотографию с собой на фронт взял. Мы переписывались. О чем писали? Да ни о чем особо. Общие слова: «жду», «надеюсь», «верю». Без подробностей и старательно шутя, чтобы поднимать боевой дух друг у друга.

Вернулся Пашка. Я целыми днями на работе. Вечерами, в выходной наговориться особо не успели – он начал готовиться к экзаменам.

– Девушка! С Победой! – кричат мне молодые люди, проходя мимо.

– С Победой! – отвечаю и встаю со скамейки.

Действительно, чего это я? Размазня, одно слово!

Что нам товарищ Сталин сказал? Надо детишек рожать. Много народу погибло. Значит, я делаю правильное дело! Может, врачиха еще недостаточно идеологически подкована, чтобы это понимать.

Мы план по детям выполним. Вот так, торжественно обещаю Родине. Чердак, деньги... Ничего! Четыре года куда хуже было!

Бодро топаю домой. Даже тошнить перестало. И голова больше не кружится. Это радует – значит, ребенок меня вполне уже понимает и готов выполнять наказания нашего правительства. То есть, готовиться к появлению на свет.

– Ты особо не балуй, – шепчу я тихонько. – Мне работать еще. Так что не тошни меня и до обмороков не доводи.

Во дворе, как всегда, – сбор за общим столом.

– Вот ты молоток! – кричит дядя Федя и наливает самогонки.

– Баб Шур, а чего-то они пьют? – спрашиваю я с улыбкой.
– Глянь-ка!

– Твой в институт поштупил.

– Приказ, Нинка, вышел! Роднуля, приняли меня! – Пашка подбегает и хватает меня на руки.

– Пашка, поставь, дурачок!

– Я не дурачок, Нинка! О чем теперь есть официальный приказ! – все-таки ставит на землю. – Причем, сразу на второй курс взяли. Как и обещали. Мол, все вы сдали, Павел Георгиевич. А тем более, вы у нас герой войны. Потому, мол,

маршируйте сразу на второй. Конечно, с повышенным обязательством, чтоб, как Стаханов, ускоренными темпами сдали спецпредметы за первый.

– Пятилетку за три года? – смеюсь.

– Точно так! Садись, родненький. Надо отметить такое дело.

– Обязательно! – поддакивает дядя Федя. – Переходим на мирные рельсы!

Я сажусь. Мне пить-то теперь нельзя. Уж самогонку точно.

– Ой, я не буду. Завтра на работу. Я, Паш, водичкой чокнусь.

– Эх, надо бы вина! Ну ладно, давай символически. Женскому полу и правда не годится крепкое.

Тут уж и Верка подходит, и ее вечный «хвост» – Леонид.

Ну мы им новости выдаем. И Верка бежит за заначкой, хотя Леонид пытается ее останавливать:

– Я б сходил, Верунь. Купил бы.

Но тут уж его все останавливают – голод не тетка. Ждать никто не хочет, а от картошки аромат идет, как от не знаю чего в дорогом ресторане. Так я полагаю, что там должно прекрасно пахнуть. А баба Шура у нас растит укропчик, петрушечку во дворе. И они у нее подросли. Вот она и посыпала на картошку.

Леонид выгружает из портфеля сала и краюху черного.

– Прислали с посылочкой родственники из Ростова. Как раз к столу!

Я тихонечко глотаю Веркиного вина. Больше делаю вид.

– Чего, Нин, не пьешь совсем? – замечает востроглазая баба Шура.

– Я понемножку.

– Ой, баб Шур, отстаньте от человека, – Верка смотрит на меня всепонимающим взглядом. – Нам же больше достанется.

Тут Пашка вспоминает о моем плохом самочувствии.

– Нин, ты к врачу ходила? А то я со своим поступлением и забыл, что тебе плоховастенько было, – шепчет он мне в ухо.

– Ходила, Паш, все в порядке, – вымучиваю я улыбку.

Не говорить же ему сейчас новости также шепотом в ухо.

А Верка в какой-то момент меня оттаскивает в сторонку, якобы тарелки сполоснуть.

– Ну чего? Беременная?

– Ага. Врачиха злючая попалась.

– Они все такие по этой части. Особенно если без мужа.

Не переживай. Когда Пашке-то скажешь?

– Хотела сразу, а вон какое дело. Не до того, – вздыхаю я.

– Не тyani! Подниметесь к себе и сразу выложи. А то талия расплывется, и как в свадебное платье влезать? – подмигивает мне Верка.

– Какая, Вер, свадьба! Просто распишемся и дело с концом. Не то самочувствие, чтобы свадьбы гулять.

– Нинка, ты что?! Свадьбы гуляют не для жениха с неве-

стой, а для гостей. Чтобы мы порадовались за вас. А уж вы так, заодно, – хохочет. – Не отвертитесь! Составим столы во дворе. Скинемся карточками на угощение. Может, и вам на свадьбу положено что-то. Леонид опять же. И давай, пока тепло, потом особо негде будет поместиться.

– Ох, Вер, у Пашки учеба начинается. Ну какие свадьбы...

– Нина, ты это заканчивай. Много думаешь о других. О себе совсем нет. Ничего с Пашкой твоим не случится. Он войну прошел. От свадьбы не развалится. Точно тебе говорю!

Наконец, мы с Пашкой оказываемся вдвоем.

– Паш, чего скажу-то...

– Чего? Нин, ты прям расстроенная какая. Все-таки болеешь?

– Это не совсем болезнь...

– А что? Давай, роднень, выдавай секретную информацию.

– Мы с тобой, Паш, теперь будем выполнять наказ товарища Сталина, партии и правительства...

– Это завсегда. Как будем выполнять? – он мне подмигивает и усаживает на колени.

– Беременная я, Паш. Ребеночка жду.

Сердце застучало, аж на весь дом.

Так, ребеночек, чего твой папаша нам с тобой сейчас скажет? А ну как не захочет жениться и выполнять указы?

Глава 6

Пашка смотрит на меня долгим, пронизывающим взглядом. У меня даже дыхание сбивается – так страшно. Так вот было похоже, когда я с тройкой домой пришла. И мама долго-долго на меня смотрела. Она не ударила – а многих у нас в школе за такое родители ремнем! – но глянула так, что больше я старалась троек не носить.

– Ох же, я дурень! – неожиданно Пашка ставит меня на пол и сам встает рядом. – Понимаешь, Нинка, я за время войны отучился от каких-то простых вещей. Нормальных, человеческих... мирных отношений. Ты уж прости!

И тут он – раз, и на одно колено встает!

Я смотрю на него в полной растерянности.

– Пашка, вставай! Ты чего?

– Нина, – говорит он торжественным голосом. Откашливается. – Владимировна. Выйдите ли вы за меня, полного идиота, Павла Георгиевича, замуж? Прошу нижайше вашей руки.

– Паша, – у меня аж голос сел, – мы на «ты» вроде были...

– Так выйдешь или нет? Не морочь мне голову. Там уже и ребенок волнуется, – он нежно проводит рукой по моему, пока ничем не выдающемуся животу.

– Конечно, выйду, Паш! Вставай!

– Вот, другое дело!

Он встает и усаживает меня обратно на колени.

– Надо свадьбу. Нин, сварганишь себе платье. Распишемся и гульнем тут, во дворе.

– Ага, и Верка говорит, что надо свадьбу...

– Так, это что ж? Верка первой узнала? Ничего себе новости!

– Паш, не обижайся. Я к ней когда за таблеткой пошла, она сразу просекла, что это за напасть. И сегодня к стенке прижала. Я все и выдала. Тебе просто не успела.

– Ладно, но больше так не делай. Все перво-наперво мужу. Поняла?

– Ага, – киваю. – Чего тут не понять. Но надо ли свадьбу? Такое время...

– Нинка, ну какое такое? Наоборот! Самое время играть свадьбы! Победа, новая семья, новая жизнь! Люди соскучились по праздникам. Вот мы им и устроим.

На следующий день, вечером Пашка встречает меня с работы. Мы еле-еле успеваем в ЗАГС до закрытия.

– Ну что, товарищи, женимся? – с доброй усмешкой спрашивает нас пожилой мужчина. – Это хорошо. Когда регистрируемся? Вот смотрите – свободные числа в сентябре.

Я смотрю на листочек с ужасом. Особо-то свободных и нет. В воскресенье вообще все забито. А что удивительного – женихи с фронта возвращаются.

– Паш... – я мотаю головой, глядя на своего. В глазах сто-

ят слезы. – Хотелось бы побыстрее.

Мне надо будет идти еще раз к врачихе. А если она опять спросит, как у меня с семейным положением?

– Так, – Пашка хмурится, – вот есть вечером. Ты успеешь прибежать с завода. А отметим в воскресенье. Никто ведь такой расклад не запрещает? – он подмигивает, а я выдыхаю. – Давайте нас вот на это число, – Пашка тыкает в листок. – Четвертое сентября. Записывайте.

– Давайте паспорта, товарищи, – улыбается в усы дедок.

Он открывает огромную амбарную книгу и готовится записывать.

Мы протягиваем паспорта.

Дедок листает мой. Кивает. Внимательно, очень медленно записывает мои данные, постоянно сверяясь с паспортом и поправляя очки на резинке.

Я чувствую, как нервничает Пашка. Еще бы! Я и сама волнуясь. Вот вроде хотела замуж. Так и планировала. Никого другого, кроме Пашки, не представляла рядом с собой. А все равно нервно! Такое решение – на всю жизнь!

Да, знаю, что люди разводятся. У нас соседи, еще до того, как дом разбомбили, вдруг разбежались. То есть, даже во время войны умудрились... Но я так не хочу.

Поэтому решение важное.

Дедок закрывает мой паспорт и откладывает в сторонку.

– Молодой человек, Павел Георгиевич... – выводит он в нужной строке. – Прописаны... там же, где невеста... Смот-

рю, переехали? – спрашивает дедок, не поднимая головы.

– Да, дом был разрушен. Родители в эвакуации, – бормочет Пашка. – Поэтому так получилось, что я без квартиры. Адрес есть – квартиры нет. Переписали меня к Нинке.

– У многих так, – дедок заканчивает переписывать адрес и листает паспорт дальше.

А чего его листать? Тут у нас странички пока пустые.

– Так, товарищ, а что тут у нас? Женились на фронте? Развелись? Быстро это вы, товарищ. А где свидетельство о разводе? Предъявите бумажечку, пожалуйста.

– А так я не взял... Не знал, что нужно...

– Обязательно, товарищ. Штампик штампиком, а документик извольте предъявить. Случаи разные бывают. Поглядел я на многое. Вас ни в чем не обвиняю, но порядок есть порядок, – он смотрит на меня из-под очков. – Вы, товарищ Нина Владимировна, не бледнейте раньше времени. Жених ваш документик поднесет завтра... Вы ведь поднесете, Павел Георгиевич?

– Д-да, конечно.

– Во-о-т. И все будет отличненько. До завтра дату регистрации за вами подержу. Но не более.

Мы выходим на улицу.

Я не могу прийти в себя. Вот почему Пашка так на меня смотрел, когда я ему сказала, что беременная. Вот почему он не торопился предложение делать. Вот почему мне показалось, что он такой опытный в этих делах...

– Нин, прости. Надо было сразу сказать. Я очень боялся тебе рассказывать правду.

Глава 7

– Пойдем, посидим на лавочке, – предлагает Пашка. – Купим тебе мороженое. И я все расскажу.

У меня нет слов, поэтому я просто тихо плетусь за ним.

– В сорок втором я попал в прифронтовой госпиталь. Не стал писать ни тебе, ни родителям, чтобы не волновать. Ранато была несерьезная. Но так вышло, что провалялся я там два месяца: нас отрезало от линии фронта. Да и нога не хотела заживать, так что меня и не торопили на выписку. За мной ухаживала медсестричка. Валя.

Меня резануло ласковое «сестричка». И «Валя» – не Валентина какая-нибудь, а нежно так. Хорошо не Валенька-Валюша...

Ничего себе! Никогда не подумала бы, что я – ревнивая! Это вообще как-то не... по-комсомольски что ли, не по-советски. С другой стороны, у меня ведь и повода не было ревновать. А тут на тебе – медсестричка Валя.

– Добрая такая женщина. Молодая, красивая. Она меня постарше на четыре года. Мне надо было ногу расхаживать. Одному тяжело. Валя помогала – вместе со мной гуляла. Там вокруг госпиталя большой парк был. Запущенный, но все равно, когда по нему ходили, казалось, и войны-то нет. Короче, закрутилось у нас с ней. Я даже сообразить не успел.

Ага, а Валя явно сообразить успела. Я не могла на нее не

сердится. Воспользовалась положением. Еще и старше!

– Она не была замужем? – кое-как выдавила я из себя вопрос, слизывая капающее мороженное.

– Нет. Совершенно одинокий человек. Из детдома. Она родилась в год революции. Родители погибли в гражданскую. Так и осталась одна... Да, так вот, когда я уходил на фронт из госпиталя, Валя сама предложила пожениться. В тот момент приехали регистрировать брак такой же пары – раненый и медсестра. Валя и говорит: «Давай и мы заодно». Не знаю, почему я согласился. Честно. Отдал пятнадцать рублей пошлины, и получил официальную бумагу о заключении брака. Всего пятнадцать рублей, и крутой поворот судьбы... Прости меня, Нин. Глупость, конечно. Меня словно выбросило из реальной жизни.

– А когда ты снова оказался на фронте, то понял, что ошибся?

– Именно. Вдруг меня потрянуло, и осознал, что наделал. Я перечитал все твои письма, посмотрел на твое фото и прозрел.

– Но как же... Валентина?

– Она все поняла правильно. Надеюсь. Я сразу пошел к командиру нашего подразделения. «Что делать?» – спросил я его. А он просто ответил: «Имею право во время войны женить. Имею право и разводить». Он меня пораспросил, как и что. Согласился: «Тебя, брат, понять можно». И выдал бумагу на развод. Я как вернулся сразу ее предъявил. Тебе ни-

чего не говорил. Просто пошел и оформил.

– Так как же... Валентина? – повторила я имя «медсестрички». – Ты с ней после этого встречался? Объяснил, почему?

Меня душили слезы. Вдруг ушла куда-то ревность. И я представляю себе ту женщину, которая наверняка любила Пашку. Как и я. А может и не как я. Иначе. По-своему.

– Нет, мы больше не встречались. Я попросил ей передать второй экземпляр документа о разводе. Из нашего полка ехали в тот госпиталь. Мне сказали, что отдали. Она знала, куда мне писать. Но ничего не прислала в ответ. Значит, поняла все правильно. И сама относилась к нашему быстрому браку также, как я.

А вот мне так не казалось. Я совсем иначе смотрю на эту историю. По-женски. Наверное, так. Нам всем друг друга понять проще. Я вот и Верку понимала тогда, в начале войны, когда она узнала, что ждет Ольку. И Олька была еще не Олькой, а не пойми чем. Как у меня сейчас – кто там зарождается. Косых взглядов своих она словила достаточно. Не будешь же каждому говорить, что твой жених пропал без вести...

– Нинка, ты меня простишь? – Пашка приобнимает меня за плечи. – Это случайность. За четыре года у друзей и не такое случалось. Но я тебе не хочу рассказывать. К нашей мирной жизни... новой жизни это не имеет никакого отношения. Так ты меня простишь?

Я смотрю вниз, на землю. Мне тяжело поднять взгляд, по-

тому что пока я чувствую, что меня предали. Сейчас, минутку, соберусь с мыслями. Я Пашку люблю? Люблю. Ждала его? Не выпадала, как он, из реальности... Хотя частенько очень хотелось выпасть.

Теперь я жду не Пашку, а ребенка. Как бы хотелось с этим ребенком посоветоваться. Ребенок, тебе нужен папка?

– Конечно, – ответил бы он мне. – Папка имеет право на ошибку. Нельзя меня лишать папки из-за какого-то мимолетного фронтального романа. Из-за какой-то медсестры Валентины...

– Да, Паш, я тебя прощу, – говорю я вслух и доедаю самое вкусное в мороженном: вафельки. – Только ты мне больше никогда не ври. Ладно?

– Клянусь, Нин. Никогда!

– Пошли домой. Но до завтра мы никому ничего не скажем. Надо, чтобы на твои бумаги посмотрели. Мало ли чего не так.

– Все так, Нинка, роднуля! Все так! Это ж мой командир все оформил, а тут уже в Москве и официально зафиксировали. Что ты!

Мы возвращаемся домой. Все уже спят. Но Верка открывает дверь своей комнаты и выглядывает на лестницу.

– Ну что? Поздравить можно? Когда регистрация?

У нее счастье плещется в глазах. За нас. Потому что за себя Верке пока радоваться нечему. И я не могу это ее счастье высушить.

– Да, Верунь, все в порядке. Только завтра надо документы донести. Мы ж неопытные, не все взяли, – я вымучиваю улыбку, а Пашка крепко прижимает меня к себе.

– Скоро-скоро, Вер, – говорит он.

А я думаю: «Пашка, не подведи меня в этот раз. Пусть бумажку от твоего командира дедуля примет. Пусть, пожалуйста, примет! А медсестре Валентине я от всего сердца желаю найти себе любимого мужа. Ведь если она несчастлива... Пашка, если она из-за тебя несчастлива, то не сможем мы на этом построить наше счастье».

Глава 8

Бумажку приняли. И мы начинаем подготовку к свадьбе. Точнее, начинаем мы с Веркой – надо платье раскроить.

И так, чтобы ничего не напортачить.

– Ты же у нас чертежник! – восклицает Верка.

Она смотрит на мои безуспешные попытки превратить газету в рукава, юбку, верх.

– Верочка, но на заводе я же черчу не из воздуха! Мне дают готовый чертеж. Я кладу сверху кальку и перевожу его. А сейчас что? – я расстроено развожу руками.

Сотворить выкройку мы пытаемся у Верки в комнате, потому что у нее есть большой стол. Вокруг бегают Оля.

– Олька, не путайся под ногами! – кричит Вера. – У нас и так ничего не получается!

Пашка сидит во дворе и обсуждает с дядей Федей первые дни в институте. Через распахнутое окно мы слышим их голоса.

Вскоре у меня уже рябит перед глазами – сказывается длинный рабочий день.

– Нет, Вер, ни-че-го-шень-ки не получится, – я сажусь на кровать. – Лучше я штор из ткани понашью.

– Никаких штор! Я придумаю что-нибудь! – категорически заявляет Верка и отправляет меня отдыхать.

На следующий день она сообщает:

– Придумала! Но надо подождать до субботы.

– Несколько ж дней пропадет! Пораньше нельзя?

– Нет. Мы пойдем в парк, где в прошлый раз показывали платья. А там только на выходные показывают. Подойдем к той женщине, которая на сцене их представляла. И спросим, где найти выкройки.

Идея мне понравилась, но я уверена, что с нами даже разговаривать не станут. Не то что выкройки дадут.

В субботу у меня короткий рабочий день. Мы встречаемся с Пашкой и Верой в парке. Неожиданно еще и Леонид приходит.

– Вызвался вам помочь. Подкрепить вашу просьбу подарком, – говорит он. – Никто не устоит! Обещаю!

Мне, как всегда, с ним неловко. Неудобно. Да и Пашка не в восторге. Но Леонид – товарищ солидный. Может и правда к нам иначе отнесутся...

Смотрим показ моделей. Я опять делаю зарисовки в тетрадке.

– Как у тебя ловко выходит! – шепчет мне Пашка.

– Ловко-то да, но никак не помогает сделать выкройку.

После показа мы идем за сцену: я, Верка и Леонид. Пашку оставляем ждать возле мороженщицы.

Леонид нас отодвигает в сторону и обращается к ведущей:

– Извините, не знаю, как вас зовут. Однако у меня к вам огромнейшая просьбочка. Вот этой барышне нужна выкройка для платья. И не просто так. Мы ж со всем пониманием.

Не побрызгайте, возьмите небольшой презентик.

Он вынимает из портфеля бутылку шампанского и ставит на столик возле зеркала. Рядом кладет коробку конфет.

Я вжимаюсь в стену – мне почему-то жутко неудобно.

– Товарищ, заберите, – строго так говорит ему женщина.

– Это еще зачем?! И вообще, посторонним нельзя здесь находиться. Выйдите отсюда.

Ох, я стала слезливая! Слезы градом!

Верка увидела такое дело, бутылку с конфетами забрала и пихает Леонида в бок.

– Понимаете, – всхлипываю я. – Вот, зарисовала, – тычу ведущей свою тетрадку. – У меня свадьба скоро. Ткань есть. Знаете, изумрудная. Не белая, но какая есть. Зато красивая, – я шмыгаю носом. – А выкройку не получае-е-ется! – тут уже у меня из глаз водопад.

Верка, сбагившая Леонида, обнимает меня, платок протягивает.

– Это мне пришло в голову к вам прийти. Не ругайтесь.

– А кому в голову пришло взятки давать? – более мягко спрашивает женщина. – Так нормально бы и сказали.

– Это все он, – я тычу пальцем в то место, где стоял Леонид. – Он по-другому не умеет. Извините.

– Ну хорошо. Не плачьте. Я вам помогу. Рисуете вы очень хорошо, кстати. Если подработка нужна, я могу похлопотать. Выкройек у меня нет. Сама я не шью. Но я веду модные показы в Доме моделей на Кузнецком. Слыхали о таком?

Я мотаю головой. А Вера кивает:

– Я знаю. Работаю в ресторане. Некоторые посетительницы о нем рассказывали.

– В общем, завтра приходите туда. К двенадцати. Попрошите меня позвать. Елену Леонтьевну. Я вас проведу. Посмотрим, что у нас есть. Какие-то выкройки точно подберем.

– Я могу и не навсегда забирать. Я могу их на кальку. И вернуть...

– Разберемся, девочки. У меня скоро показ. Надо подготовиться. До завтра.

Мы выходим на улицу. Пашка уже стоит с мороженым для нас.

– Ты чего зареванная? Кто обидел? – спрашивает меня.

– Все в порядке, Паш. Это, наверное, из-за беременности, – я искоса смотрю на Леонида. Ух! Так и прибила бы.

Домом моделей оказывается красивое, старое здание в центре Москвы. Заходить страшно! Внутри мимо проходят шикарно одетые женщины с невообразимо красивыми прическами. Все накрашены. Как в театре!

– Вы к кому? – спрашивает нас женщина с точеной фигурой в темно-коричневом костюме.

– К Елене Леонтьевне.

– Пойдемте проведу.

Мы идем мимо манекенов, витрин, комнат, в которых меряют, надевают на манекены платья...

– Лена, к тебе!

Наша новая знакомая приветливо улыбается:

– Проходите. Давайте посмотрим, что у нас тут есть.

Она кладет перед нами журнал, в котором я, открыв рот, вижу платья... платья... платья...

– Почти на все модели из этого журнала есть выкройки. Смотрите, вот это для свадьбы вполне подойдет, – она показывает на длинное платье с вышивкой. – Сзади красивый элемент, который называется «баска».

– Ой, нет, что вы! – я машу руками. – У меня столько и ткани-то нет! Вот мне бы что-то такое, – я нахожу в журнале платье, похожее на то, которое зарисовала в тетрадке. – Чуть ниже колена, рукав короткий. Вот только я бы сделала, как вот тут, – тыкаю я в другую картинку, – как вот вы сказали... баска. Но спереди.

– А, это! Нет, это не баска. Это ложный запах. Лежит красивой волной. Создает асимметрию. И опять же ложные ожидания, – она смеется и зажигает сигарету. – Мужчины думают, что там сейчас оголится нога, но нет.

– Вот на него есть выкройка? – осторожно спрашиваю я.

Елена Леонтьевна выходит и вскоре возвращается с заветной выкройкой.

– Вам действительно придется ее скопировать. Можете прямо здесь это сделать.

Она дает мне прозрачный лист кальки и карандаш. Я привыкла рейсфедером, но и карандашом справлюсь.

Когда я возвращаю выкройку, Елена Леонтьевна снова говорит о работе:

– Вот как раз для такого журнала рисовать. Если хотите, похлопочу. Платят немного, зато можно делать зарисовки в выходной и потом дорабатывать дома в свободное время.

Я соглашаюсь. Это не в цеху стоять, не мешки таскать. Справлюсь без проблем.

За оставшиеся две недели до свадьбы я только и делаю, что крою, шью и рисую – мне сразу дали задание для нового номера журнала мод.

Какая там красота!

Я стараюсь понять, по какому принципу делаются выкройки. Как их из этого наброска, из этой картинки создают отдельные детали. В голове начинает что-то складываться. Но когда я приношу свои рисунки для журнала Елене Леонтьевне, она мне объясняет очевидное:

– Деточка! Какая ты наивная! Сначала делают выкройку. Потом шьют. Понимаешь? Какая-нибудь Шанель... Ты знаешь, кто такая Шанель?

– Нет, – мотаю головой, не успевая осознавать, что мне говорят.

– О, это великая модельер. Великая! Из Франции. Так вот, она сначала придумывает наряд. Берет ткань, подрезает, подкалывает... Прямо на модели. А потом создают выкройку. Но шьют для показов, для магазинов по выкройке, создан-

ной по мотивам... Понимаешь? Сама Шанель никакой выкройки не делает. Но без той выкройки не будет платья. В широком смысле не будет.

Я возвращаюсь домой с миром, который в моей голове перевернулся.

– Верка, я поняла, как все это надо делать!

– Как? – подруга смотрит на меня с удивлением в глазах.

Олька крутится в ногах.

– Теть Нин, посмотри! – и показывает свои рисунки.

На них – не принцессы. Платья.

– Да ты Шанель, Олька!

– Кто? – Вера снисходительно смотрит на дочкины картинки.

– Есть такая... француженка. В общем, Вер, сначала, я думала, надо смотреть на рисунок. Из него что-то делать. Но теперь я поняла – сначала надо придумать платье. Потом сделать выкройку. И только затем нарисовать его. Например, для журнала мод.

И вечерами после работы я подкалываю, так и эдак, струящуюся, изумрудную ткань. Вместо манекена я приспособила три бревна, которые выцыганила у дяди Феди. Пашка вместо рук приделал палки.

Увидев, наконец, то, что мне нравится, я начинаю переделывать выкройку.

Это у незнакомой мне француженки есть специальные люди, которые создают выкройки. У меня есть только я. Ну

еще Верка и Олька.

Мы вырезаем из газеты юбку. Прилаживаем на меня вместо манекена. Прикалываем газетный ложный запах, волной прикрывающий мой потихоньку растущий живот.

Я понимаю, что потрачу на «волну» куда больше ткани, чем планировала. Но газета мне показывает, что это будет очень – ну очень – красиво!

Шанель обзавидуется! И почему-то, несмотря на наше социалистическое с ней соревнование, я чувствую, что между нами существует связь.

– Пашка, а ты хотел бы поехать когда-нибудь во Францию? – спрашиваю я, засыпая.

– Зачем? – он прижимает меня к себе. – В Берлине я был. В Германии, в Польше... Нечего там делать.

А ночью мне снится Шанель. Она меня хвалит за мой ложный запах на юбке.

«Молодец, – говорит, – Нинка! Пусть все платье будет маленьким, изумрудным. И только вот эта одна волна будет притягивать взгляды. Одна деталь, Нинка! И после твоей свадьбы такую захотят все!»

Леонид уговорил нас праздновать в ресторане, а не во дворе. Мол, оплата ресторана – это его свадебный подарок.

Было много людей, которых мы не знали.

Мне заказали несколько платьев, как мое свадебное. Я понабрала заказов. Пашка-то пока учится, а деньги нужны.

Верка помогает.

А Елена Леонтьевна даже поместила мой рисунок с этим платьем в новогодний выпуск журнала.

Не белое. Изумрудное.

Для празднования Нового 1946 года.

Глава 9

Перед свадьбой я приношу три коробки с обувью.

– Девчонки, налетай! Мне разрешили взять три пары: себе, Верке и... тра-та-та-там! Бабе Шуре!

В нашем дворе – переполох! Всем страшно интересно, что за обувь раздадут в Доме моделей и за какие-такие мои заслуги.

– За рисунки? – переспрашивает дядя Федя и качает головой. – Хорошая работа!

– Дай-дай мне посмотреть! – просит Верка. – Давай уже наконец откроем коробки.

Себе я взяла темно-бордовые. Шикарный цвет, и мне сказали, что он будет прекрасно сочетаться с изумрудным.

– Это чур мои! – я аккуратно вынимаю туфли и надеваю, покручивая стопой. – Устойчивый, высокий каблук, элегантное решение для праздничного события, – копирую я голос ведущей модных показов.

Верка открывает обе оставшиеся коробки.

– Мне вот эти, баб Шур, не возражаешь?

Она меряет черные туфли с бантиком. Мне они тоже нравятся, но на свадьбу невесте черное – это уж совсем не то.

– Ох, куда мне... – крихтит баба Шура. – Толком и не примерить. У вас вона – тонкие носочки. А у меня ревматизм. Носки толстые и теплые. Для галош.

– Баб Шур, давай, а? На, мой носок, – я быстро стягиваю его с левой ноги. – Попробуй. Зря что ли платье тебе сварганила...

С платьем, правда, вышло не совсем по-моему. Баба Шура категорически отказалась от фасонов из журнала.

– Если тебе так стыдно меня в рештаран вести, сшей простое, как было. Только новое. И фартук. Будет аккуратное, не штопанное.

Я не стала спорить.

Наученная, бабе Шуре принесла прочные туфли на низком каблуке.

– Давай, баб Шур, не капризничай. А то ты, как дитя малое.

– Ничего. Вот на мне и тренируйся с дитем, – но вижу, что шутит.

Натягивает мой носок, который ей чуть маловат. Тем не менее, в туфлю влезает.

После свадьбы она в них с нами один раз идет гулять. Потом снимает и со вздохом говорит:

– Отдайте, ребят, кому-нибудь. Ноги гудят, болят... Сидеть я в них смогла, а вот ходить... Нет, никак!

Так и не удается бабу Шуру переобуть...

Пашка занял такую же категорическую позицию, как баба Шура.

– Чтоб мужику невеста костюм с ботинками покупала? Такому не бывать! – заявляет он.

От помощи Леонида отказывается, тем более. Я-то знаю – не на что ему покупать. Хоть в спецмагазине, хоть где.

В итоге, Пашка на свадьбе – в военной форме.

Нас щелкает фотограф.

Потом я постоянно разглядываю фото. Пашка – подтянутый военный, высокий, широкоплечий. Я рядышком в своем платье с ложным запахом. Получилась, как модель в журнале. И не заметно, что беременная. А то как этому самому ребеночку, когда вырастет, рассказывать, почему так вышло.

В ноябре мне самой бы в галоши, да в теплые носки. Живот со спины не виден – будто и не беременная. А вот спереди пальто не застегивается.

Юбку я себе сшила, которую можно расставлять на талии. Хотя какая уже тут талия – от нее остались только воспоминания. Но с верхней одеждой хоть плачь.

С работой тоже становится все тяжелее. На заводе весь день над чертежной доской. Дома рисую для журнала. А вечерами теперь темнеет рано и света не хватает ни мне, ни Пашке. Он постоянно с учебниками – наверстывать приходится много.

– Мы, как два крота, – говорю я ему со смехом. – Сидим не в норе, а на чердаке, но это дела не меняет.

– Ох, ты ж! Надо что-то придумать.

На следующий день Пашка проводит снизу еще два провода и прилаживает к ним лампочки помощнее.

На чердаке еще и холодно. Мы топим буржуйку, но толку от нее особо нет. Кутаюсь в старый платок.

В субботу Пашка ходит в институт. Я после завода бегу в Дом моделей на показ. Надо зарисовать одежду, а потом мне говорят, какие наброски войдут в журнал. И я их перерисовываю уже для печати.

В воскресенье – тоже показ, но днем. Почти всегда со мной ходят Верка с Олей. Так-то билет денег стоит, а я их провожу бесплатно.

В конце ноября меня вызывает директор завода. Страшно! Чего-то напортачила? Вроде, нет...

– Нина Владимировна, присаживайся, – предлагает он.

Я тихонько отодвигаю стул и сажусь на краешек. Кабинет большой, с портретами Ленина и Сталина на стене. А еще висят всякие награды завода.

– Знаю, у вас пополнение в семействе ожидается, – продолжает директор. Сам он дядька вроде не страшный. Но одно дело в цех нагринул – руки некоторым пожал, спросил начальника, как дела, и дальше пошел. Совсем другое, когда тебя одну вызывают...

– Да, – шепчу еле слышно. – Замуж вышла, – это я на всякий случай, чтоб как с врачом не получилось. Так сказать, на опережение: мол, все как положено.

– Ты у нас, Нина Владимировна, работаешь, считай, с самого начала войны. И в цеху работала на тяжелом участке.

Чертишь хорошо. Тебя хвалят.

Думаю: «Может премию хотят дать? Но ради премии особо к директору не вызывают».

– А с жилищными условиями как у тебя? Вроде, ты у нас на очереди стоишь.

– Ага, стою. Дом, в котором с родителями жили, разбомбили. Давно уж. Переехала к подруге. А вот Пашка вернулся, мы с ним на чердак перебрались.

– Как на чердак? – удивляется директор.

– А больше некуда. У Верки-то Олька... – я начинаю запинаться. – Малая. Четвертый год пошел. Да, вот мы-то с Веркой вместе спали. А больше-то места и нет. У нас еще баба Шура на втором, – ускорю я свой рассказ. Ох, неинтересно такому большому человеку меня слушать. – Дядь Федя на первом. А ей тяжело подниматься на второй. Так они с ним поменялись. Внизу тоже холодно. А у нее ревматизм... – я выдыхаю, понимая, что наговорила ерунды.

Директор стучит карандашом по столу. Точно наговорила не того!

– Это ж, значит, ты, Нина Владимировна, беременная на чердаке? Холодно?

– Да, сквозит сильно. Уж ноябрь. Я шторы навесила, не так дует.

– Диктуй адрес.

– Какой адрес?

– Чердака своего. С Веркой, Олькой и кто там у вас еще.

– Дядя Федя, баба Шура... Ах, да... Адрес, – диктую.

Он записывает.

– Все, возвращайся на рабочее место. Буду выяснять твой вопрос.

Ох, я перетрухнула!

– Паша, директору я наговорила лишнего! Выяснить, говорит, буду, Нина Владимировна, твой вопрос!

– Может, он в хорошем смысле?

– Ой, не уверена!

А в субботу директор берет и приходит. Лично!

– Показывай свой чердак, – говорит.

Веду показывать.

– Это у нас кто такой? – выглядывает баба Шура.

– Директор завода, – полушепотом отвечаю. – Пришел посмотреть, как я живу.

– Плохо живет! – припечатывает баба Шура, а я готова провалиться в подвал. – Тут у нас летняя кухня. Вона, Федор ее утеплил кое-как. А все равно. На втором этаже одна комната совсем аварийная. Вот-вот пол провалится. А дальше чердак, где ваша Нинка и проживает с мужем-фронтовиком и будущим дитем.

Ой, как я еще больше пугаюсь! Зачем баба Шура ему все это говорит! Есть люди, кому гораздо хуже. Вон, из эвакуации приезжают, а квартиры их нету. Это Пашкины родители остались в Ташкенте. А многие не остаются, возвращаются... А сироты...

Директор поднимается по скрипящим ступенькам.

Пашка мой над учебниками сидит.

– Муж?

– Ага.

– Здравствуйте, товарищ.

Они жмут друг другу руки.

– Где работаете?

– Пока учиться поступил, – докладывает Пашка. – Но работу ищу.

– Куда ему работать, – встречаю я. – Цельными днями нагоняет. Позабывал он все. Учиться тяжело...

– Да нормально, Нин.

– Не нормально. Куда еще работать. Надо хоть первый курс закончить.

– Тоже верно, – кивает директор. – Ну я пойду. А ты, Нина Владимировна, ко мне в обед в понедельник заходи, поговорим.

Он уходит, садится в свою машину. Я слышу, как затихает вдали мотор.

Мне бы до понедельника дожить! Меня все успокаивают. Говорят, что ничего я такого не сказала. И баба Шура, якобы, по делу встряла. Эх!

В понедельник бреду в кабинет директора.

– Выяснил я про ваш дом, – вздыхает он. – Под снос он запланирован. Но товарищи не торопятся. Так я им сказал: «Товарищи, там фронтовик живет, наша ударница, люди по-

жилые, больные, мать с ребенком. Их надо было еще под осень расселить!» В общем, тебя, Нина, самую первую с твоим мужем переселят, так как ты от завода давно на очереди. Жилье есть. Осталось все оформить. Какие документы нужны, секретарь тебе мой скажет. Оформляйтесь. Про остальных я похлопочу.

– Спасибо, – шепчу я. И слезы градом.

– Чего плачешь-то?

– Плаксивая стала. Врачиха говорит, так у беременных бывает.

– А ну тогда ладно. Реви.

Вечером я заношу Елене Леонтьевне рисунки.

– Сядь, Нин. Разговор есть.

Сговорились они что ли? Мне, кстати, нервничать нельзя.

А они тут все с разговорами.

– У нас место освободилось в журнале. Предлагают тебе к ним переходить работать. Это, Нин, прекрасный шанс. Чисто, красиво. К тому же, поинтереснее, чем чертежи копировать – работа творческая. Талоны постоянным работникам в ЦУМ дают. Такого нигде больше не купишь. Жёны, сама понимаешь кого, там отовариваются.

– А зарплата какая в журнале? – мне за рисунки платят мало, но я думаю: мало ли, может, на постоянной побольше.

– Маленькая.

Услышанная цифра меня не удивляет. Все-таки, так и подозревала.

– Но условия, Нин! Для тебя, беременной, идеальные. И потом с ребеночком полегче будет. Начинаем мы позже, чем на заводе. На выходных показы. Ты сможешь меняться, брать отгулы.

– Мне подумать можно?

– Подумай. В субботу жду с решением.

Глава 10

– Ну почему ты постоянно думаешь о нем?! – кричит Верка.

– А о ком мне еще думать, Вер? Ну о ком? О малыше я тоже стараюсь думать. Ему будет лучше в нормальной квартире.

– О себе, Нин. О себе думать. Хоть иногда. Ты едешь в толкучке на работу. Там портишь себе зрение. Целыми днями стоишь и копируешь эти чертовы чертежи. Ты подрабатываешь. Вечерами и в выходные ты рисуешь шикарные платья, которые будут носить другие женщины. Ты мерзнешь на чердаке...

– Так вот, Вер, я не буду больше там мерзнуть, если останусь на заводе.

– Пойми, дурочка! Этот дом аварийный. Официально поднос. Вам все равно дадут квартиру! Зато ты перейдешь на нормальную работу. Где не будешь так уставать. Где вокруг красиво. Хоть чуть-чуть поживешь в сказке. Я вон тоже по ресторану хожу и представляю себе, что моя жизнь – это вот такая красота. Хрустальные люстры, белоснежные скатерти... А не вот эта комнатуха.

– Вера, директор сказал, что мне надо лишь подать документы. А так – сколько ждать? Неизвестно. Может, всю зиму. Мне не полезно толкаться в трамвае. Но и жить на чер-

даке, Вер, тоже не сильно полезно...

Раздаются шаги на лестнице.

– Что за шум, а драки нету? – в Веркину комнату заходит Пашка, вернувшийся из института. – Девчонки, чего-то вы на повышенных? Аж снизу слышно.

Мы переглядываемся.

– Нинке твоей работу предлагают. Хорошую. Непыльную, – хмурясь, отвечает Верка. – А она не хочет.

Пашка смотрит на меня вопросительно:

– Где, роднуля?

– В журнале, – пожимаю плечами я. – Рисовать, но на постоянной. То же, что сейчас. Прямо у них там, в Доме моделей. Но там зарплата очень маленькая. А самое главное – квартира. Ее нам дают от завода.

– Если тебя подождут в журнале, мы можем получить квартиру, а потом уволишься с завода, – предлагает Пашка.

Я чувствую, что все это очень неправильно. И они оба почему-то не понимают очевидного.

– Паш, ну подумай же! Вот я получаю квартиру и ухожу. Разве так делать красиво? Сразу поймут, что только ради нее и оставалась на работе.

– Верно. Прости, Нин. Ты права. Нехорошо.

– Ничего она не права, – кипятится Верка. – Потому что она уже на этой работе отработала все, что могла! Задним числом.

– Ну что делать, – я развожу руками и выхожу из комнаты.

Наверху, на чердаке Пашка прижимает меня к себе.

– Нинка, в чем-то Вера права. Я, кстати, согласился на предложение Леонида...

– Какое предложение? – я смотрю на Пашку во все глаза.

– О работе. Он меня рекомендует на завод. Так как я учусь, буду работать только во вторую смену. Здесь без вариантов. Мне надо на занятия ходить. В общем, по его рекомендации берут. Так что про деньги не думай. Иди спокойно работать в журнал.

– Какой завод, Паш?

– Винзавод. Начальником цеха. Я сказал, что меня рановато на такую должность. Но Леонид говорит, наберусь опыта быстро. И не тот это цех, где нужны какие-то специальные знания. Главное, не пьющим быть. А то там мужики спиваются часто, если есть склонность. Ну и командовать людьми уметь. Чему я научился на фронте. В общем, попробую.

Винзавод... Странное место... Вроде, чего ж плохого... Не солидно что ли...

С другой стороны, куда пока Пашке-то устраиваться. Обучится и найдет что-то получше.

– Паш, а учеба? Ты вон постоянно вечерами сидишь.

– Ничего, роднень, посижу ночами, – смеется Пашка. – Сколько мне лет, чтобы от работы отлынивать. Ты вон на трех, считай, работах.

– Почему на трех? – спрашиваю я, вытаращив глаза.

– Ну как? Сама считай: ребенка вынашиваешь, убираешь

и готовишь – раз, на заводе – два, рисунки рисуешь – три.

Я тоже смеюсь.

– Какая ж это работа, Пашка, быть беременной, прибраться и готовить? – продолжаю я улыбаться.

– Важная! – совершенно серьезно отвечает мой муж.

В субботу я отказываюсь от предложения Елены Леонтьевны. Она, в отличие от Верки, на меня не кричит. Но говорит строгим голосом, как учительница:

– Ты теряешь свой шанс начать новую жизнь.

– Мне не надо новую, – еле слышно отвечаю я. – Меня старая устраивает.

– Такое не может устраивать, – чеканит она. – Когда тебе будет сорок, а может и раньше, ты оглянешься назад и поймешь, что я была права. Насколько я была права!

Неужели Елене Леонтьевне сорок? Мне кажется, сорок – это как Леонид. А не стройная, всегда элегантная ведущая модных показов.

– Ты не понимаешь... Ладно. Дело твое.

А в понедельник на заводе мне торжественно вручают ключи!

– Я же была права! Смотрите! Мы можем переезжать! – я звеню ключами на весь дом, стараясь сильно не подскакивать от радости. – Все документы готовы. Хоть завтра!

– Накрываем на стол! – командует дядя Федя. – Это обя-

зательно нужно отметить!

Во дворе мы уже не сидим – холодно. Большой, длинный, самодельный стол перетащили к бабе Шуре. Теперь у нее в комнате особо не повернешься. Зато можно продолжать дворовые посиделки.

Тащим все, что у нас есть в закромах. Переезд мы с Пашкой планируем на завтрашний вечер. Вещей у нас мало. Мои пропали в разрушенной бомбежкой квартире. А закупить нового я особо не успела, да и не на что было. У Пашки, тем более, все вещи – это его военная форма и куча учебников.

– Как вы с мебелью? – спрашивает Верка. – Наверное, надо на первое время забрать отсюда?

– Директор сказал, что в комнате есть кровать, шкаф, стол... Короче, там осталось от предыдущих владельцев. Еще с до войны. Уверена, что там мыть и чистить надо все основательно. Но это мелочи. Одеяла, подушки, шторы, конечно, заберем.

– Так у вас комната? Не квартира? – Верка прищуривается.

– Нет, Верочка, ну что ты! За какие заслуги нам целую квартиру? Нас пока даже не трое, – я искренне улыбаюсь. – Комната в коммуналке. Но там всего трое соседей. Муж с женой и какой-то еще мужчина.

– Просто у вас ведь обоих были отдельные квартиры. У ваших родителей. А дают вам комнату. Одну на двоих, – не отстает Вера.

Пашка качает головой:

– Вер, прояви сознательность, в конце концов! Первое, те квартиры, действительно, выдали нашим родителям. Мы пока не заслужили. Второе, сейчас у людей крайне тяжелая ситуация. Идет восстановление. Мы рады, что наш вопрос решился так быстро. Ну и третье, Вер, мы тут на чердаке, продаваемом всеми сквозняками. Летняя кухня на первом этаже. Если и купить что из мебели, то и ставить некуда. Даже вон кровать для младенца не знали, куда приткнем. А теперь, Вер, – целая комната! Двадцать два квадратных метра! Высокие потолки. Старый дом в центре Москвы. Здесь тоже не окраина, но не будем сравнивать. Все очевидно.

– Господи! Паш, вы с Нинкой два сапога пара, – вздыхает Вера. – Всему рады. Ни о чем таком не мечтаете.

– Верка, отштань! – одергивает ее баба Шура. – Правы они. Я, вона, одна. Ешли б муж да ребенок, я б в любую халупу. Да хошь в шалаш.

– Ну вас! Поняла я ваши мечты, – Верка отмахивается.

– Вер, неужели ты так не думаешь? Не мечтаешь, чтобы Костя вернулся?

– А чего мечтать? Хотела, конечно. Ждала. Сама знаешь. Но вестей никаких нет. На запросы отвечают: «Пропал без вести».

– Но не погиб же! – не сдаюсь я.

– Прости, Нин. Мы хотели об этом объявить вместе. В субботу вечером. Но скажу сейчас, – Верка прячет от нас взгляд.

– Я согласилась. Выхожу замуж за Леонида.

– Ты ж его не любишь!

– А что любовь главное? – Верка сверкает глазами. – Леонид, вопреки вашему мнению, человек хороший. Я его уважаю. У него есть двухкомнатная квартира. Будет и у Ольки отдельная, и у нас своя комната. Зарплата у него высокая. Он хочет, чтобы я с работы ушла, за домом и дочкой смотрела. А я и не против. Надоело. В давке на работу, в давке с работы. Там весь день бегаешь. Ни на что сил не остается. Не хочу потом оглянуться и увидеть, что жизнь-то прошла.

Так и Елена Леонтьевна говорила – про жизнь. Наверное, я чего-то не понимаю в любви, в жизни... Но чувствую, что и понимать не хочу этого их другого.

На следующий день, вечером мы переезжаем. Пожитки сложили в машину, которую выделил директор завода. Я отнекивалась, но он настоял.

Мы машем Верке, дяде Феде, бабе Шуре и ребятам, выскочившим во двор из других домов. Ох, глаза у меня опять на мокром месте...

– Ну что ж, проходите, – в дверях квартиры стоит крупная женщина. Руки в боки.

За ней – тщедушный мужичок.

– Здравствуйте, соседи, – говорит он из-за плеча жены. – Меня зовут Ираклий Ефимович. Жену мою – Рахиль Моисеевна. Приятно познакомиться.

Мы протискиваемся в коридор.

– Вон ваша комната, – указывает Рахиль Моисеевна. – А должна была стать нашей. Так что не очень-то и приятно. Никакой справедливости! У вас будет ребенок? – она бесцеремонно тыкает пальцем в мой живот.

– Да...

– Вот еще одна радость! Ор младенца на весь дом! Повезло нам! Ирик, пошли!

И она удаляется в свою комнату, громко хлопнув дверью.

Глава 11

Пашка вышел на работу и теперь пропадает целыми днями – учеба, а потом сразу на завод. Кто узнает, где он работает, смеется: мол, у вас теперь вином залейся.

Сначала я над этим тоже смеюсь:

– Паш, если ты руководишь цехом розлива, то что ж – бутылку подставил, наполнил и понес домой? Такого нигде нет. Нельзя.

– Люди шутят, – отвечает Пашка.

Но за неделю до нового года выясняется, что такие умные работнички есть! Пашка двоих поймал. Причем сделали они себе специальные бидоны. Как под молоко. И тихонько, когда их никто не видит, подставляют прямо под струю вина.

– И что с ними будет? – спрашиваю я. – У нас на заводе тоже всякое случалось. Но у нас стратегически важная продукция. Тут понятно – арест и никаких разговоров. А вино? Это же не хлеб, не детали для самолетов или поездов.

– Понимаешь, такое все равно спускать нельзя. Воровство есть воровство. Но это не мне решать. Я передал директору завода. Их сразу уволили. А какие последствия... Посмотрим.

Пашке работа дается нелегко. Особых знаний, действительно, не требуется. Но контролировать приходится многое. Сначала-то он думал, что сможет находить время для заня-

тий. Однако сейчас понятно – на работе только перерыв перекусить и всё.

Мне тоже приходится крутиться. Подработку бросать не хочется, да и неизвестно, сколько в журнале меня продержат.

В комнате навела порядок. Цветочки на подоконник поставила. Но есть большой нюанс в виде Рахиль Моисеевны.

– Вот твоё время на кухне!

– Вот твой график уборки!

– Слишком долго в ванной сидишь!

– Мне надо в туалет! – стучит она в дверь, когда я туда только захожу.

Стараюсь пореже ей попадаться на глаза. Но она не работает – уже на пенсии, поэтому почти постоянно дома в будни, уж не говоря о выходных.

Пашка с учебы на работу. Я с завода в Дом моделей. Вечером тихонько готовлю нам ужин.

– Не греми тут! Мы уже отдыхаем! – на кухне появляется Рахиль Моисеевна.

– Дай ребятам поесть. С работы же, – вылезает из-за ее спины тщедушный Ираклий Ефимович.

– Ирик, не лезь!

Собрав волю в кулак, я продолжаю готовить. Едим-то, конечно, у себя в комнате. Тут главное успеть накашеварить.

Вспоминаю наш дружный дом. Да, он разваливается. В нем холодно. Но как же важно дружить с соседями, которые тебя всегда поддержат. И уж никогда не выгонят с кухни!

Наоборот – еще и подкормят.

Совсем под Новый год появляется сосед из третьей комнаты – бородастый мужчина с огромным рюкзаком. Его зовут Глеб. И выглядит он также, как имя – большой, крепкий, будто вырубленный из камня.

Оказывается, он ездит в геологические экспедиции. Сразу позвал к себе чай пить. Я хотела принести еды, но у Глеба было несколько консервов и буханка хлеба в рюкзаке.

– Не надо, ребят. Я вас пригласил, я и угощаю.

Наварили картошки и уселись пировать. В его комнате кровать, большой стол посредине и... пианино в углу.

– Прощел войну, – рассказывает нам Глеб. – Почти до конца. Но в начале этого года попал в госпиталь по ранению. А в итоге – победа и мобилизация. Сказали, что я сильно нужен на прежней работе. Специалистов не хватает. Вот и мотаюсь. Новый год здесь, а потом опять уеду.

Ему тридцать два. Жена погибла. Была она музыкантом, поэтому пианино...

– Ездила с концертами к солдатам. Попала их концертная бригада под бомбежку в самом начале войны. Мне говорят, надо пианино продать. А у меня рука не поднимается. Память о Лидочке.

Разговариваем мы тихо, и я уверена, что никому за закрытой дверью не мешаем. Но нет – Рахиль Моисеевна стучит своим мощным кулаком и заходит в комнату без приглашения.

– Опять гости и буйнишь, Глеб? Милицию вызвать?

Тут она видит нас с Пашкой.

– Нашел себе дружков? Собутыльников? Ну в этих я даже не сомневалась!

– Рахиль Моисеевна, вы же знаете, что я беременная. Мне пить нельзя. Зачем вы так говорите.

Глеб останавливает меня незаметным движением руки.

– Вы свой яд поберегите, дорогая соседка, для других слу-чаев. Вы прекрасно видите, что мы чайком балуемся. Разго-вариваем тихо. Да, знакомимся с соседями. Нам хочется и с вами жить в мире, но это явно нереально. А так-то приса-живайтесь. Мы всем рады.

Рахиль Моисеевна разворачивается и гордо удаляется, хлопнув напоследок дверью.

– Почему в ней столько злобы! – удивляюсь я. – Вообще жить не дает нормально.

– Да, есть такое... – Глеб хмурится. – У нее и до войны характер был ого-го! Но должен сказать честно. Вас у нее не любить есть особые причины.

– Какие? – хором спрашиваем мы с Пашкой.

– Понимаете, она очень надеялась получить вашу комна-ту. Хозяева уехали в эвакуацию, и сначала не было понятно, вернутся они или нет. И вот уже в сорок четвертом стало яс-но, что соседи наши переезжают.

– Мои родители тоже остались в Ташкенте, – вклинился Пашка. – Нашли там работу. Им дали квартиру...

– Нет. Наши поехали по службе. Муж там в годах, не молодой. Переводчик. Вот его куда-то и отправили. По дипломатической части, как я понял. Ну вот Рахиль Моисеевна тут же и пошла хлопотать. Дело в том, что жена приезжала сюда. Забирала вещи. Всю мебель, конечно, оставила. Так все и выяснилось.

– Но их двое всего. Зачем им вторая комната? – не выдержала я.

– Считает, что положено. Живут в этой квартире давно. И когда-то их семья занимала всю квартиру. Еще до революции. А потом уплотнили. Но еще их родители были живы, и осталось у них две комнаты. Родители умерли, уплотнили второй раз. Ираклий Ефимович математик. Его Рахиль Моисеевна заставляла ходить, хлопотать. Вроде, даже дело сдвинулось. Но выяснилось, что он чего-то там недотягивает по своей ученой линии... Ну для того, чтобы ему метры были положены для кабинета. Есть, оказывается, такое. Ну и отдали комнату вам.

Когда мы возвращаемся к себе, на цыпочках проходя мимо соседской комнаты, я говорю Пашке со вздохом:

– Не отстанет она от нас. Это точно. Раз мы у них комнату отняли, как она считает, то все. Пощады не жди.

В этот момент в коридоре дребезжит телефон. Я быстро выскакиваю из комнаты – вдруг это Верка. Она переехала к Леониду и часто мне звонит вечерами.

– Нина, вы не забыли, что у нас завтра свадьба? – тарато-

рит она в трубку.

– Ой!

– Вот тебе и «ой». Ресторан «Советский». К двум.

Я вешаю трубку. Надо предупредить Елену Леонтьевну, что меня завтра на дневном показе не будет. Совсем забыла про свадьбу!

– Хватит болтать по телефону! Совсем совесть потеряли!

– из комнаты высовывается голова Рахиль Моисеевны в бигуди.

– Я не болтаю, – устало оправдываюсь я.

– А чего тогда встала тут и стоишь?

Неожиданно во мне пробуждается злость.

– Коридор, уважаемая Рахиль Моисеевна, является общим для всех жителей квартиры местом. Хочу и стою! – гордо заявляю я и марширую к себе, сопровождаемая опешившим взглядом соседки.

Глава 12

Свою свадьбу Леонид не мог организовать плохо или скромно. В огромном зале ресторана, мне кажется, человек сто, не меньше. И если у нас с Пашкой просто были составлены столы буквой Г, то здесь стоят круглые на шесть человек. Ими заставлено все пространство.

На каждом столе в центре – букет цветов в вазе. Для зимы вообще дело неслыханное! Рядом бутылки с «Боржом», вином, шампанским и водкой. Стоят красивые хрустальные миски с салатами. Хлеб. Явно не по карточкам затаривались... Да, я знаю про эти рестораны и магазины, где задорого и все, что угодно. А все равно неловко. Будто на другую планету попала, где не было войны.

На каждой тарелке карточка с именем и фамилией гостя.

– Это чтоб сели не туда и не с теми? – смеется Пашка. – Ну давай поищем нас.

Когда находим свои карточки, садимся за стол. С нами – еще две пары. Они нас постарше. Как оказывается при знакомстве – мужчины из Народного комиссариата пищевой промышленности. Один с женой Татьяной. Другой, как он выражается, с товарищем по работе.

– Это его любовница, – шепчет мне в ухо Татьяна со смехом. – Но не скажешь же прямым текстом. Поэтому везде ее с собой таскает, а называет товарищем по работе.

Я округляю глаза.

– У него есть жена?

– А как же! Есть. Разводиться особо не приветствуется.

Повышению по службе тогда конец.

– Но откуда вы знаете, что любовница? – шепчу я в ответ, не переставая удивляться. Это ж как же? При живой жене вот так водить с собой другую женщину? Ну точно сплетни.

– Ой, бросьте! Всем известно. Вы еще молоды. А с годами мужчине хочется разнообразия, женщине стабильности. Вот и крутятся, как могут с таким противоположным подходом к семейной жизни. Не удивлюсь, если жена в курсе и закрывает на это глаза.

Мне хочется не глаза закрыть, а уши заткнуть. Непроизвольно я вспоминаю про медсестру Валентину. М-да, если бы не момент в ЗАГСе с документами, так бы и не знала про Пашкин роман... С другой стороны, он же еще не был на мне женат... В общем, я запуталась.

К нам подходит Верка. На ней шикарное свадебное платье в пол и высокая прическа. Я встаю поздороваться.

– Вер, а чего ты не позвала бабу Шуру и дядю Федю? – спрашиваю. – Как раз бы их к нам за стол.

– Да ты что, Нинка! Не видишь сама, какие тут люди! – Вера смотрит на меня, как на дурочку. – К вам за стол Леонид сказал, кого сажать. Это полезные для Пашки знакомства.

– Ага, полезные... Вон тот мужик с любовницей пришел,

– шепчу я.

– А тебе-то что? Не ты ж его жена. Зато он пост занимает важный. Может помочь продвигаться по службе.

Я сажусь, не зная, что ответить.

– Ты чего такая расстроенная? – спрашивает Пашка.

– Верка очень изменилась, – говорю ему грустно.

– Что поделаешь. С кем поведешься... Мне Леонид сразу не понравился.

– Я помню. И ты прав, наверное. Вроде, он хорошие дела делает, а любви от этого к нему не прибавляется.

Жених легок на помине. Он появляется за спиной у Пашки и хлопает моего мужа по плечу.

– Павел, поднимись-ка. Вот хочу тебя представить лично. Это директор винзавода, на котором ты работаешь. А это главный технолог. Я им про тебя рассказывал. Но они пока не добрались до твоего цеха.

– Очень приятно, – кивает Пашка.

– Спасибо за бдительность, товарищ Холодов. Мне заместитель рассказал, как вы поймали расхитителей социалистической собственности. Ишь, удумали! А вы продолжайте вникать, как говорится. Кадров не хватает, поэтому перспективы у вас отличные.

– Но я еще не решил, чем буду заниматься в будущем, – отвечает мой Пашка. – Тем не менее, вникать, конечно, продолжу. Опыт всегда пригодится.

– Ничего-ничего, обвыкнешься, – Леонид снова хлопает

Пашку по плечу и уходит общаться с другими гостями.

Муж Татьяны, моей соседки по столу, обращается к Пашке:

– Вы на винзаводе работаете?

– Да, учиться пошел в пищевой. И вот, подрабатываю.

– Это правильно. Хорошее направление. Сейчас будет активно развиваться, поверьте.

Разговор прерывается тостами за новобрачных.

Официанты сменяют одни блюда другими.

Когда объявляют танцы, Пашка приглашает меня, и мы медленно двигаемся по залу.

– Какое же у вас красивое платье! – говорит мне Татьяна, когда мы возвращаемся. – Сразу заметила. Беременным очень трудно что-то подобрать. А тут такая красота! В закрытом магазине брали?

– Нет, что вы! Сама сшила. На свадьбу. Теперь вот поставила в талии. Получилось, вроде, неплохо.

– Вы так хорошо шьете! Можно у вас заказывать?

– Да, – я вспоминаю о нескольких выполненных заказах. Вроде, все были довольны. – Я вам покажу журналы, и мы обсудим, что вам понравится. Боюсь, не любой фасон смогу...

– Ой, да хоть какой-нибудь, – улыбается Татьяна. – Хорошее платье не найти.

Мы договариваемся, что она придет в Дом моделей в следующую субботу, после Нового года.

– Как жаль, что я не познакомилась с вами раньше! – восклицает Татьяна. – Был бы наряд к празднику. Ну ничего. У нас билеты в Большой. Будет куда пойти.

На Новый год к нам приходят баба Шура, дядя Федя и сосед Глеб. На столе у нас попроще, чем у Верки на свадьбе, но вскладчину тоже получилось неплохо.

– Может, соседей позвать? – спрашиваю я Пашку. – Неудобно как-то праздновать, а они за стеной.

– Не-не, нормально, – Пашка машет руками. – Все удобно, а эту даму я видеть лишний раз не хочу.

Я тоже не хочу, но мне почему-то Рахиль Моисеевну жаль. А особенно ее «Ирика», который недотягивает по ученой линии до собственного кабинета.

За окном идет снег. Минус пять. Я стелю тряпку в коридоре, чтобы гости поставили на нее свою обувь. Потом на тряпке переносу ее в нашу комнату и ставлю у двери – чтобы не оставить никаких следов присутствия посторонних.

– Что ж ты таскаешь! Меня бы попросила, – Пашка укоризненно качает головой.

Он всегда старается помогать, но не всегда знает, что делать. А я по привычке молчу, почти ничего не прошу.

Наконец, мы усаживаемся. По радио передают красивую музыку.

Дядя Федя стучит ножом по бокалу.

– Внимание, дорогие наши бывшие соседи и вечные дру-

зья! Перед наступлением Нового года, у меня есть, что вам объявить.

Мы смотрим на него в ожидании новостей. Впрочем, ничего особенного не предполагаем – уверены, что сейчас будет очередная шутка.

Дядя Федя откашливается.

– Мы посоветовались, и я решил... – он явно нервничает, несмотря на нарочито веселый вид. – Короче, ребята, мы с Шурой решили пожениться. Да, вот...

За столом устанавливается тишина.

– Поздравляем! От души! – я нарушаю молчание.

– Говорила же, не надо. Не поймут, – ворчит баба Шура.

– Отчего же! – вступает Глеб. – «Любовь нечаянно нагрянет...» – начинает петь он.

А мы подхватываем:

– Когда её совсем не ждёшь, и каждый вечер сразу станет удивительно хорош, и ты поёшь: — Сердце, тебе не хочется покоя! Сердце, как хорошо на свете жить!..

В этот прекрасный момент в комнату заходит Рахиль Моисеевна.

– Прекратить! – кричит она громогласно. – Если совести нет, то уже и не будет! Милицию вызову!

– Вызывайте, – отвечает Глеб. – Вы уж сколько грозитесь, а все никак. Особенно сегодня наша бравая милиция будет рада приехать. И что вы им скажете? Что мы Новый год празднуем?

– Что вы людям жить нормально не даете своими пьянками-гулянками!

Дядя Федя встает из-за стола и подходит к Рахиль Моисеевне близко-близко.

– Товарищ соседка, слышали мы рассказы о вашем скверном характере. Что вы советским гражданам, ждущим пополнения в семействе, проходу не даете. И не они вам жить не дают, а вы им, – дядя Федя наклоняет свое лицо к ее, и Рахиль Моисеевна отступает на шаг назад.

– Помогите! Ирик! Меня сейчас этот мужлан побьет!

– Кому вы нужны вас бить, – продолжает дядя Федя. – Однако, – он поднимает указательный палец и машет им перед ее носом, – если я еще раз услышу, что вы притесняете соседей... особенно Ниночку... то милицию вызову я. И товарищей из районного отдела партии. С вами живет фронтовик, беременная женщина и... – он смотрит на Глеба, – и еще один фронтовик. Имейте уважение.

– Ирик, Ирик, ты слышал? – говорит Рахиль Моисеевна тишайшим голосом, которым я не подозревала, что она в принципе обладает.

– Раха, пойдем. Дай людям таки жить спокойно, – неожиданно я слышу Ираклия Ефимовича.

Он тянет жену за полу халата.

– Пойдем. С наступающим, товарищи. Извините.

Едва за ними закрылась дверь, как по радио началось выступление товарища Калинина.

А вскоре мы услышали куранты.

С улицы послышались крики «Ура! С Новым годом!»

Я чокнулась со всеми компотом из сухофруктов, присланных из Ташкента.

«С Новым годом, малыш! – поздравила я про себя того, кто обосновался в моем животе. – С сорок шестым, годом твоего рождения!»

Глава 13

– Ты собираешься в отпуск уходить? Тебе тридцать пять дней положено до родов и сорок два после. Пора оформлять! Быстро ко мне в кабинет писать заявление!

Ох, про отпуск я и забыла. Продовольственный паек мне увеличили вдвое с шестого месяца. Врачиха стала чуть добрее и говорит, что все в порядке. Но отпуск-то! Ох, я клуша все-таки.

– У меня через неделю отпуск! – радостно сообщаю я Пашке вечером, стараясь не выражать свое счастье слишком громко.

После Нового года Рахиль Моисеевна поутихла, но не в ее правилах сдаваться. Поэтому она все равно иногда выступает на линию фронта. Особенно, когда я остаюсь одна. Теперь будет сложнее...

– Вот меня достанет Раха, – узнав «ласковое» имя неласковой соседки, мы ее так между собой и называем. – Одно плохо в отпуске – это вынужденное пребывание с ней под одной крышей.

– Ты сразу мне говори. Дядя Федя показал пример. Надо было раньше ее одернуть. Так что не терпи. По вечерам докладывай обстановку, – Пашка смотрит на меня серьезно. И я понимаю, что несмотря на шуточный тон, он слов на ветер не бросает.

В отпуске я не могу спокойно сидеть на месте и ничего не делать.

Поэтому хожу в Дом моделей почти на все дневные показы.

– Смотреть на красивое и приятное полезно для тебя и для малыша, – говорит мне Елена Леонтьевна, улыбаясь. – Уж лучше, чем дома сидеть с вашей Грымзой Моисеевной.

Рисовать во время демонстрации куда приятнее, чем стоя перед чертежной доской. Девочки принесли мне удобное кресло, так что я сижу, как царевна.

Татьяне, с которой мы познакомились на Веркиной свадьбе, я успела сшить аж два платья. Но пришлось ей сказать, что до родов я с таким животом больше ей шить не смогу.

– Подожду, рожай спокойно. Скоро к тебе очередь из моих подруг выстроится. Так что готовься, – смеется она.

Все ко мне стали очень по-доброму относиться, и не только знакомые. Люди в транспорте уступают место. На улице улыбаются. Некоторые женщины даже подходят и спрашивают, когда мне рожать и кого я жду... В общем, учитывая мое отсутствие дома, благодаря Дому моделей, мне настроение Раха не особо портит.

Однако, по закону подлости, прихватило меня именно в квартире. Причем, в рабочий день, когда никого, кроме Рахи нет.

Я все думала – как пойму, когда мне уже рожать пора. Но

все случилось точно по словам врачихи: «Не пропустишь, не беспокойся!»

По месту жительства идти мне в Грауэрмана – самый близкий роддом. И вот думаю – дойду? Сумку с документами я приготовила заранее, а вот передвигаться явно тяжело. Совсем не догадалась спросить, вызывают ли в таком случае скорую...

– Ты чего? – Рахиль Моисеевна выглядывает из своей комнаты. Она окидывает меня внимательным взглядом. – Рожать что ли удумала?

– Ага. Только не пойму, как туда добираться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.